(Отдѣльный оттискъ изъ **Душеполезнаго Чтенія** 1897—1898 гг.).

653
37

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО

ВЪ

НАШЕЙ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ 96 и 97 гг.

Наше православное духовенство всегда находилось и находится въ столь тѣсныхъ отношеніяхъ къ народу, стоитъ такъ близко къ нему, что изображать жизнь и бытъ народный невозможно, не задѣвая духовенства. Неудивительно поэтому, что и наша свѣтская литература нерѣдко даетъ повѣсти и разсказы изъ жизни духовенства. И не лишнимъ иногда бываетъ поприсмотрѣться къ этимъ разсказамъ. За прошлый 1896-й и первые мѣсяцы нынѣшняго 1897 года мы насчитали въ свѣтскихъ журналахъ болѣе двадцати повѣстей и разсказовъ или прямо изъ жизни духовенства или по крайней мѣрѣ такихъ, въ которыхъ выводятся духовныя лица *), причемъ должны оговориться, что отнюдь не пре-

*) Именно: „Счастье поневолѣ“, „Живая Жизнь“, „Судьба“ и „Забытый пономарь“—г. Потапенко, „Подъ звонъ колоколовъ“, „На пути къ счастью“, „Встрѣчи“ и „Волчья Сыть“—г. Немировича-Данченко, „Духа не угашайте“, г. Стахѣева „Послѣ Святокъ“ г. Соколова, „Новоселковское кладбище“ Марка Басанина (псевдонимъ), „На покоѣ“ г. Мамина-Сибиряка, „Сушкинъ и Будылкинъ“ г. Салова, „Цвѣты бездны“ г. Всев. Соловьева, „Изъ далекаго прошлаго“ г. Северина, „Пчелы“ г. Миллера, „Люди разнаго безумія“ г. Энгельгардта, „На берегу Чернаго моря“ г. Крыжановскаго, „Въ невѣдомую даль“ г. Свѣтлова, „Повѣсть давнихъ лѣтъ“ г. Засодимскаго, „Тарантелла“ г. Бунина, „На окраинѣ“ Юл. Безродной, „По новому пути“ г. Данилова, „На покаяніе“ г. Икскуля, „Пафнутьичъ“ г. Елеонскаго, „На покоѣ“ г. Мар-

тендуемъ на безусловную полноту, такъ какъ не всѣ журналы имѣли возможность просмотрѣть. Здѣсь есть произведенія и извѣстныхъ и только начинающихъ писателей, и консервативныхъ и либеральныхъ. Міръ духовенства изображенъ здѣсь съ большой полнотою: предъ читателемъ открывается цѣлая галлерея типовъ: монахи и монахини во главѣ съ игуменами и игуменьями, священники, дьякона и причетники, ихъ жены, дочери и сыновья и вышедшіе изъ духовнаго званія дѣти духовенства.

Свои очерки мы начнемъ съ изображенія монашествующаго міра. Міръ этотъ выводится въ слѣдующихъ повѣстяхъ: «Люди разнаго безумія» Энгельгардта, «Волчья Сыть», «На пути къ счастью» и «Подъ звонъ колоколовъ» Немировича-Данченко, «Въ невѣдомую даль» Свѣтлова, «Цвѣты бездны» Всев. Соловьева, «На берегу Чернаго моря» Крыжановскаго и «На покаяніе» Икскуля. Прежде чѣмъ описывать отдѣльные типы, изображаемые въ этихъ повѣстяхъ, мы должны сказать вообще, что всѣ названные авторы относятся къ монашеству съ величайшею симпатіей. Несимпатичныхъ, а тѣмъ болѣе каррикатурныхъ типовъ почти нѣтъ совсѣмъ. Напротивъ, замѣтно даже стремленіе къ идеализированію. Преобладающій здѣсь типъ—высокихъ, строгихъ или смиренныхъ подвижниковъ, монаховъ въ истинномъ значеніи этого слова.

Объ изображеніи монашества г. Энгельгардтомъ въ его романѣ «Люди разнаго безумія» (*Книжки Недѣли* 1896 г.) мы уже писали *). Здѣсь же мы скажемъ лишь вкратцѣ, что въ этомъ романѣ изображена небольшая и еще малоизвѣстная пустынь, населенная истинными монахами, о которыхъ съ полнымъ правомъ можно сказать, что они носятъ ангель-

---

тынова, „Съ визитомъ“ г. Волжина. (*Русскій Вѣстникъ*, *Русское Обозрѣніе*, *Историческій Вѣстникъ*, *Новое Слово*, *Міръ Божій*, *Русская Мысль*, *Книжки Недѣли*, *Нива*, и „литературныя приложенія къ *Нивѣ*“, *Русскія Вѣдомости*, *Новое Время*, *Московскія Вѣдомости*, *Наблюдатель*.

*) „Два міра“ (*Душеполезное Чтеніе*, іюль 1897 г.).

скій образъ. Въ числѣ монаховъ здѣсь есть люди образованные, дворяне, есть и простые люди, но всѣ они горятъ одинаковою пламенною вѣрою въ Бога и любовію къ ближнимъ, одинаково смиренны, кротки и нестяжательны. Авторъ романа даетъ имъ лишь одно названіе—аскетовъ.

Г. Вас. Немировичъ-Данченко писатель извѣстный и весьма плодовитый, но въ послѣднее время начинающій писать нѣсколько странно. Онъ какъ будто начинаетъ терять способность относиться къ дѣйствительности объективно и изображаетъ не столько обыкновенныхъ людей, сколько героевъ или злодѣевъ, отчего и пишетъ въ приподнятомъ тонѣ. Монашествомъ онъ интересовался и раньше и написалъ нѣсколько книжекъ, посвященныхъ описанію нѣкоторыхъ монастырей, а теперь выводитъ монашествующихъ и въ повѣстяхъ.

На первомъ мѣстѣ мы можемъ поставить о. Дамаскина—типъ подвижника, выведенный г. Немировичемъ-Данченко въ романѣ «Волчья Сыть» (*Новое Слово*, 1896 г.). О. Дамаскинъ, ученый, строгій и сильный духомъ старецъ, перешелъ въ изображаемый авторомъ бѣдный монастырекъ изъ Троице-Сергіевой лавры. «Для маленькаго городка слава его была слишкомъ велика». Онъ былъ хорошо извѣстенъ многимъ высокопоставленнымъ лицамъ. «Старецъ добротолюбивый, отзывается о немъ игуменъ монастыря... Истинно медоточивыя уста. Заслушаешься... Все ему отверсто».

А вотъ какъ описываетъ авторъ обстановку о. Дамаскина.

«Отецъ Дамаскинъ жилъ на вышкѣ. Онъ самъ выбралъ себѣ келью—крохотную комнатку, устроенную въ колокольнѣ.

— «Тутъ къ солнцу ближе, да и звонъ спать не даетъ. А монаху это первое дѣло.

...«Малая и безъ того горница сплошь была завалена книгами и потому казалась еще меньше. Громадные, обтянутые въ старую выцвѣтшую кожу, фоліанты лежали одинъ на другомъ въ углахъ до половины высоты, столъ былъ заваленъ духовными журналами и новыми, еще не разрѣзанными, изданіями, такъ что для письма о. Дамаскину оста-

вался крошечный уголокъ, къ которому онъ и примащивался какъ то бокомъ. Подъ столомъ тоже полѣнницами были сложены книги. Осеннее солнце на закатѣ обливало весь этотъ уголокъ золотымъ свѣтомъ, захватывая въ него и благородное лицо монаха, длинная, бѣлая борода котораго, раздваиваясь, падала на грудь. Голову старикъ прикрылъ скуфейкой. Парусинный подрясникъ плотно охватывалъ его хилое тѣло».

Молитвенникъ за страждущихъ, сострадательный къ приходящимъ съ истиннымъ покаяніемъ, о. Дамаскинъ неумолимо строгъ къ лицемѣрно кающимся, а тѣмъ болѣе—къ пріѣзжающимъ въ монастырь лишь для того, чтобы повеличаться своимъ богатствомъ. Такихъ онъ если и принимаетъ, то лишь для того, чтобы дать хорошій урокъ. А обмануть его никакъ нельзя, такъ какъ онъ видитъ каждаго насквозь—видитъ, съ какими мыслями приходятъ къ нему. Нельзя и задобрить его посулами на монастырь или обѣщаніями принять иночество: отъ недостойныхъ онъ не принимаетъ ни того ни другаго и не даетъ имъ даже благословенія. Сильныхъ міра онъ не боится, обѣщанія и угрозы на него не дѣйствуютъ, заставить его сдѣлать что либо противъ убѣжденія невозможно. Это вполнѣ «столпообразный инокъ», какъ называютъ его монахи его монастыря.

Иначе, но также очень привлекательными чертами, изображается г. Свѣтловымъ («Въ невѣдомую даль» литературн. приложен. къ *Нивѣ* 1896 г.) другой подвижникъ и печальникъ за народъ—о. Паисій. Насколько о. Дамаскинъ строгъ и непреклоненъ, настолько добръ и кротокъ о. Паисій—добръ до того, что попадаетъ въ корыстныя руки своего секретаря, который беретъ деньги съ посѣтителей, а своею благотворительностью способствуетъ даже размноженію нищихъ. Онъ никого не гонитъ отъ себя, за всѣхъ молится и за каждаго радъ положить душу свою.

«Комната о. Паисія была полна библейской простоты. Деревянный столъ и два стула. Что-то въ родѣ аналоя съ раскрытымъ Евангеліемъ и образъ въ углу».

«Глаза старца были свѣтлые, почти голубые, но когда онъ пристально смотрѣлъ на кого-нибудь, они темнѣли, и въ глубинѣ широкихъ зрачковъ, казалось, вспыхивали и угасали фосфорическіе огоньки. Въ общемъ въ его взглядѣ было много странной и *мягкой* силы, если можно такъ выразиться. Взглядъ его былъ добръ, нѣженъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ чувствовалась сила души и воли, сознаніе этой покоряющей силы, какая то желѣзная непреклонность, что-то твердое, властное, могучее. Но вотъ огоньки потухали, и снова неземная кротость, любовь, состраданіе и нѣжность свѣтились въ его хорошихъ, почти волшебныхъ глазахъ».

Хотя о. Паисій называетъ себя человѣкомъ неученымъ, но убѣждая невѣрующаго профессора и доказывая ему, что наука въ сущности вся основывается на вѣрѣ, онъ обнаруживаетъ довольно хорошее знакомство съ наукою и съ научными положеніями и терминами.

Кончивъ говорить, о. Паисій начинаетъ молиться. Профессоръ, опустившись на колѣни, «чувствовалъ, какъ какой-то токъ, какая-то сила исходила изъ рукъ монаха (лежавшихъ на его головѣ) и проникала чрезъ наружные покровы въ его мозгъ, въ его кровь, въ его сердце... Онъ слышалъ, понималъ и ощущалъ, что о. Паисій молится отъ всей своей души, ото всего своего сердца, страстно, горячо, искренно, съ сильной и могучей вѣрой, которая дѣйствительно способна двигать горами и творить чудеса».

О. Паисій не убѣждаетъ профессора окончательно, но предсказываетъ ему, что Господь обратитъ его, и разстается съ нимъ съ необыкновенною нѣжностью, обѣщая молиться за него ежедневно.

«Много ученыхъ бывало у меня. И всѣ больны одною болѣзнью», говоритъ о. Паисій профессору. И ко всѣмъ нимъ онъ относился, конечно, съ такою же теплотою и лаской.

Теперь мы снова должны вернуться къ г. Немировичу-Данченко. Въ двухъ своихъ романахъ: «На пути къ счастью» и «Подъ звонъ колоколовъ» онъ даетъ намъ полную кар-

тину одного мужскаго и двухъ женскихъ монастырей—со всѣмъ ихъ бытомъ и строемъ, начиная съ игумновъ и игуменій и кончая послушниками и бѣлицами.

Мужской монастырь изображается въ романѣ «На пути къ счастью» (*Нива* 1897 г.). Настоятель монастыря отецъ Варлаамъ, раньше блестящій флигель-адъютантъ, ушедшій въ монастырь послѣ тяжелой жизненной драмы, напоминаетъ собою о. Дамаскина. Строгій и властный монахъ и начальникъ, онъ скоро привелъ въ порядокъ монастырь, распущенный его предшественниками, смирилъ или разогналъ не желавшихъ покориться монаховъ и сумѣлъ найти другихъ; расширилъ монастырское хозяйство, осушилъ кругомъ монастыря болота, не обращая вниманія на препятствія, и завелъ въ монастырѣ образцовый порядокъ и дисциплину, хотя поклоновъ и угодничества терпѣть не могъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ его настоятельства монастыря нельзя было узнать. Теперь это было строгое и безупречное учрежденіе, куда шли всѣ, кто не боялся подвига, жаждалъ спасенія, а не покоя и бездѣлья». «Онъ мало занимался собою—не до того было. Обитель захватывала его совсѣмъ. Поэтому и волосы его ложились назадъ серебряными космами, высоко открывая матовую бѣлизну хорошо скроеннаго и умнаго лба съ прямою линіей бровей, обнаруживавшихъ горячій и сильный темпераментъ... Отецъ Варлаамъ все дѣлалъ быстро—и ходилъ и говорилъ. Ему точно всегда и вездѣ было некогда. Онъ не объяснялъ, а приказывалъ, почему—до этого никому изъ подначальныхъ людей дѣла не было. «Я за нихъ въ отвѣтѣ»—оправдывался онъ... Тонъ его голоса былъ твердъ и не допускалъ вопросовъ... Медленность онъ ненавидѣлъ вездѣ и во всѣхъ. Случалось, идетъ по двору и замѣчаетъ, что послушникъ слишкомъ тихо сгребаетъ снѣгъ. О. Варлаамъ самъ отнималъ у него лопату и опускалъ ее только покончивъ дѣло... На лѣсныхъ работахъ, въ монастырскомъ хозяйствѣ, на рыбной ловлѣ—онъ не ограничивался одними приказами. «Что вы, святые отцы, точно мертвые, прости Господи»—и немедля бралъ у сосѣда топоръ, пилу или

снасть—гдѣ и что приходилось, и давалъ тонъ работѣ, непремѣнно ускоряя ее, насколько это возможно. «Тянучекъ» онъ терпѣть не могъ. «Говори скорѣе, ради Христа, не томи ты меня. Въ могилѣ наспишься, будетъ время отдохнуть, не бойся». Выслушивая васъ и понявъ въ чемъ дѣло, онъ не давалъ вамъ окончить, а отвѣчалъ и распоряжался немедленно, «кипитъ, кипитъ нашъ о. игуменъ, шутили на его счетъ монахи—любой котелъ бы лопнулъ, а онъ все дѣйствуетъ, дай Богъ ему здоровья».

Обстановка отца игумена была самая простая. Только письменный столъ и шкафы въ его кабинетѣ были завалены книгами. Но этотъ строгій и суровый на видъ монахъ имѣлъ доброе и сострадательное сердце и никакъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ чужому горю.

Кромѣ настоятеля, авторомъ выведены еще три іеромонаха: Антонинъ, Гермогенъ и Геронтій.

«Скорбный монахъ», какъ звали въ монастырѣ о. Антонина, былъ прежде свѣтскимъ человѣкомъ, съ университетскимъ образованіемъ. Въ монастырь привела его тоже жизненная драма, но только гораздо болѣе страшная, нежели у о. Варлаама. Лишившись нѣжно любимой жены, онъ едва не сошелъ съ ума отъ горя. Въ это время ему суждено было узнать, что жена не была ему вѣрна. Окончательно обезумѣвшій отъ тоски и ревности, выдержавшій нервную горячку, несчастный заставилъ своего счастливаго соперника, бывшаго притомъ его другомъ, принять американскую дуэль. Жребій лишить себя жизни выпалъ его другу. Тотъ убилъ себя, оставивъ послѣ себя жену съ новорожденнымъ ребенкомъ безъ всякихъ средствъ къ жизни. Тогда только опомнился несчастный и понялъ, что онъ сдѣлалъ. Онъ отослалъ всѣ свои деньги несчастной вдовѣ, а самъ ушелъ въ монастырь—и жилъ здѣсь уже десять лѣтъ. Но лютая скорбь, въ которой смѣшивались и тоска по утраченномъ и ужасъ по содѣянномъ имъ, не оставляла его и здѣсь, какъ ни пламенно онъ молился; напротивъ, ему казалось даже, что сердце его съ каждымъ днемъ болитъ все сильнѣе и силь-

нѣе. Грѣхъ его давно уже былъ отпущенъ его духовникомъ, но самъ себѣ простить его онъ не могъ. Тоска доводила его даже до припадковъ. «Внѣшняя жизнь совсѣмъ не захватывала Антонина. Едва ли онъ даже давалъ себѣ отчетъ во всемъ, совершавшемся около. Видѣть ее онъ видѣлъ, но не думалъ о ней и проходилъ мимо; такъ она и не оставалась въ его памяти вовсе. Онъ строго исполнялъ все, что полагалось, но лучше чувствовалъ себя дома въ кельѣ, одинъ, лицомъ къ лицу съ своими воспоминаніями, съ своей тоской... Кромѣ нея, для него въ жизни не осталось ничего. Игуменъ жалѣлъ скорбнаго инока и его лишь одного не посылалъ на тяжелыя работы, назначивъ ему занятіе въ монастырской библіотекѣ и канцеляріи. «Крутой характеръ непреклоннаго строителя и созидателя, одинъ изъ тѣхъ, которые и на пустомъ мѣстѣ ухитрятся поднять нѣчто способное потомъ выдержать цѣлыя столѣтія—невольно смягчался, даже болѣе, умилялся, встрѣчая такую полную затаенной тоски душу, какая была у Антонина»...

О. Гермогенъ, (типъ, напоминающій собою Урса изъ «Quo Vadis?» Сенкевича), напротивъ, былъ изъ простыхъ. Онъ былъ фельдфебелемъ въ образцовомъ полку при Николаѣ I и теперь еще любилъ вспоминать, какъ его тамъ муштровали, или, увлекаясь, показывалъ, какъ въ его времи маршировали. Ставилъ на клобукъ, точно на киверъ, стаканъ съ водой и отбивалъ «правой—лѣвой», да такъ, что отъ одного угла двора до другаго не расплескивалъ ни капли». За его громадную, нескладную фигуру и по-истинѣ медвѣжью силу монахи звали его медвѣдемъ. «Ты какъ полагаешь—разсказывалъ онъ про себя—меня самъ императоръ Николай на правомъ флангѣ замѣчалъ. Бывало, какъ увидитъ, сейчасъ же: «а, это ты, дылда?» Про свою силу онъ говорилъ: «Меня Богъ силой обидѣлъ. Ткнуться боюсь, какъ бы ненарокомъ не сломать чего, потому по моему то я легко, а отъ моей легкости у другого скулу вонъ выпретъ». «О. Гермогенъ и фигурой напоминалъ медвѣдя. Онъ былъ весь какой-то сѣрый. Несмотря на годы, настоящей сѣ-

дины у него не показывалось, а косматую бороду и густыя патлы волосъ сильно тронула просѣдь. Голубые глаза у него тоже выцвѣли, хотя также довѣрчиво и кротко смотрѣли на Божій міръ изъ-подъ сѣрыхъ, грозно нависшихъ бровей». Въ монастырь пошелъ онъ послѣ нечаянно совершеннаго имъ убійства: «молодаго рекрута—разсказывалъ объ этомъ самъ Гермогенъ—убилъ ненарокомъ. Офицеръ кричитъ: «Харитоновъ, дай ему въ шею». Развѣ я могъ ослушаться? Толкнулъ со всей деликатностью, а у того становая кость пополамъ. Ну, судъ оправдалъ, а только я николи забыть не могъ». И со дня своего рукоположенія въ іеромонахи о. Гермогенъ каждое утро и вечеръ самъ служилъ паннихиду по убитомъ имъ рекрутѣ. И такъ больно отдалось въ душѣ этого громаднаго, но кроткаго какъ дитя, человѣка это дѣло, что доселѣ, служа паннихиду, онъ при словахъ: «и сотвори ему вѣчную память» чуть не навзрыдъ плакалъ. «Вѣдь я человѣка, человѣка убилъ, Господи!» съ съ ужасомъ думалъ Гермогенъ. Въ монастырѣ Гермогенъ доселѣ исполнялъ нерѣдко такія работы, что любому коню впору, и былъ преданъ игумену беззавѣтно.

«О. Геронтій, казначей, изъ разорившейся купеческой семьи—былъ настоящій картинный монахъ... Высокій, красавецъ—онъ издали, въ толпѣ монаховъ, кидался въ глаза необычайнымъ благообразіемъ... Геронтію было около пятидесяти лѣтъ, но ему нельзя было дать и сорока. Въ густой массѣ бѣлокурыхъ волосъ—ни единаго сѣдого, на гладкомъ и правильномъ лицѣ—ни морщинки. Сѣрые глаза немного на выкатѣ; мягкіе, сами по себѣ волнистые, усы и борода, красиво и ровно падавшая на высокую грудь, дѣлали его необыкновенно живописнымъ въ богатыхъ ризахъ, когда ему приходилось служить соборнѣ». Геронтій любилъ поѣсть и одѣться хорошо, прыскался духами, любилъ сниматься и принимать картинныя позы, но дальше этого его прегрѣшенія не шли. Геронтій былъ очень уменъ и честолюбивъ. Но особенно умѣлъ онъ добывать деньги для монастыря. Съ этой стороны его цѣнилъ и по своему дорожилъ о. Варла-

амъ, хотя вообще и недолюбливалъ. Когда монастырю бывали необходимы деньги, Геронтій всегда умѣлъ добывать ихъ. Очень ужъ умѣлъ онъ убѣждать купцовъ и старухъ-помѣщицъ, оправдываясь тѣмъ, что онъ пріобрѣтаетъ не для себя, а для обители. «У меня то вѣдь, кромѣ одежи, ничего нѣтъ. Умри я сегодня, у меня ни синь пороха не останется». Тѣмъ не менѣе за излишнее усердіе ему нерѣдко приходилось получать нагоняи отъ отца игумена.

«Большой мастеръ о. Геронтій былъ по части завѣщаній... Дай ему настоятель волю—никто бы въ округѣ не умеръ, не оставивъ своего достоянія монастырю». Но тутъ отецъ настоятель останавливалъ его усердіе ужъ безъ всякихъ церемоній, и праведные труды о. Геронтія пропадали даромъ.

«Короче, заключаетъ авторъ, это былъ настоящій свѣтскій монахъ, и въ католической странѣ ему бы цѣны не знали».

Есть въ монастырѣ еще о. Спиридонъ. Этотъ—изъ академіи. «Всѣ, какія есть науки насквозь произошелъ—отзывается о немъ о. Гермогенъ—какая звѣзда какъ называется, и почему сіе важно—онъ не подумавши скажетъ».

Мужскому монастырю посвященъ разсказъ г. Икскуля «На покаяніе (*Московскія Вѣдомости*, 1896 г. №№ 102—105). Блестящій и образованный гвардейскій офицеръ Канищевъ, ни съ того ни съ сего, выражаясь просто, задурилъ. Начавъ съ разныхъ вольностей и шалостей, онъ, подъ конецъ, надѣлалъ такихъ дѣлъ, что по личному распоряженію государя (Николая Павловича) былъ сосланъ на исправленіе въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей. Посмѣиваясь надъ своею ссылкою, ѣдетъ молодой офицеръ въ монастырь, съ намѣреніемъ донять и монаховъ своими продѣлками. Но въ монастырѣ, къ его удивленію, его оставляютъ жить на полной свободѣ, не принуждаютъ къ хожденію въ церковь, всячески заботятся о его удобствахъ, о его ссылкѣ какъ будто даже и не знаютъ, а на выходки и продѣлки его или не обращаютъ вниманія, или даютъ ему понять неприличіе ихъ съ такимъ тактомъ, что ему, несмотря на его

ненормальное состояніе, становится совѣстно. Въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ монастырской обстановки, бесѣдъ игумена и отчасти юродиваго Мироныча, молодой офицеръ приходитъ въ себя и искренно кается. Но свѣтскій міръ ему теперь кажется уже настолько чуждымъ, а монастырская жизнь, напротивъ, настолько привлекательною, что онъ самъ принимаетъ монашество въ томъ же монастырѣ.

Личность игумена—вполнѣ идеальная. Это образецъ духовнаго отца и администратора. «Вся особа игумена производила самое выгодное, хорошее впечатлѣніе: простыя, спокойныя манеры, благообразная наружность, въ которой какъ-то одновременно совмѣщалось выраженіе и ума и достоинства и доброты, задушевный голосъ, серебристая сѣдина пышныхъ волосъ и небольшой бороды, обрамлявшихъ изжелта-блѣдное лицо—все дѣлало этого старика симпатичнымъ и съ перваго же взгляда обнаруживало въ немъ человѣка искренняго сердечнаго и разумнаго». Въ бесѣдахъ и обращеніи съ ссыльнымъ и непокорнымъ, а нерѣдко и прямо дерзкимъ офицеромъ, игуменъ обнаруживаетъ столько такта, кротости и ума, что мало по малу совершенно смиряетъ его строптивое сердце. Самый монастырь, видимо обязанный своимъ благоустроеннымъ видомъ о. игумену, своею роскошною растительностью, своею доведенною до роскоши чистотою и порядкомъ, производитъ впечатлѣніе настоящаго цвѣтущаго оазиса среди безконечной песчаной пустыни. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается отъ тишины, благочинія и благочестія, царившихъ внутри монастыря. Весьма симпатиченъ типъ и монастырскаго юродиваго Мироныча—одного изъ тѣхъ «блаженныхъ», которые не только называются такими, но и есть таковы на самомъ дѣлѣ. Къ этому юродивому относится съ уваженіемъ игуменъ, а его странныя и порою, повидимому, даже безсмысленные поступки оказываются нерѣдко имѣющими глубокій смыслъ.

Совершенно особый типъ—іеромонахъ Антоній, исполняющій обязанности священника въ одной изъ дальнихъ крѣпостей, выведенный въ романѣ г. Крыжановскаго «На

берегу Чернаго моря» (*Русское Обозрѣніе* 1897 г.). Потомокъ французскихъ протестантовъ, бывшій флотскій офицеръ, онъ точно такъ же принялъ монашество послѣ постигшей его житейской драмы. Прежде храбрый офицеръ, человѣкъ замѣчательно умный и настойчивый, неподкупно честный и прямой, онъ не задумывается смѣло обличать развратъ, не обращая вниманія на личности. Но съ нимъ самимъ случается несчастіе: онъ чувствуетъ въ себѣ влеченіе къ молодой дѣвушкѣ, своей ученицѣ. Нечеловѣческія усилія, какія употребляетъ онъ, чтобы побороть это влеченіе, и безпощадное отношеніе его къ самому себѣ—невольно трогаютъ читателя.

Въ томъ же романѣ «На пути къ счастью» г. Немировичъ-Данченко выводитъ и женскій монастырь, съ его игуменьей—матерью Клеопатрою и нѣсколькими монахинями.

«Мать Клеопатра была изъ рѣдкаго между православными женщинами типа «устроительницъ». У строгихъ раскольницъ встрѣчаются такія державницы, неуклонныя и даже безжалостныя по своему ради цѣли, въ святость и благо которой онѣ разъ навсегда увѣровали. Несмотря на шестьдесятъ пять лѣтъ, игуменья не знала еще отдыха. Ее одолѣвали монашескія болѣзни... съ мѣста трудно вставалось, но она все это побѣждала желѣзною волею и такою разносторонней дѣятельностью, что при ней въ обители никого другаго не нужно было... Не даромъ Геронтій говорилъ про нее: «будь она мужчиною—римскимъ папою сдѣлалась бы». Она и въ маленькомъ масштабѣ своемъ была извѣстна далеко. Уже третью обитель она приводила въ порядокъ, да такъ, что ее смѣло снимали съ мѣста и посылали на другое, зная, что дѣло и послѣ нея прочно будетъ, не развалится. Она смотрѣла далеко впередъ—«распорухъ», «роспустъ» и лѣнивыхъ такъ сбивала на свой образецъ, что онѣ долго потомъ оставались вѣрны ея указаніямъ. По мелочамъ она не расходовалась, сразу взглядомъ опредѣляла корень зла и уже не колебалась вырвать его. На это у нея не было

ни состраданія, ни страха іудейска. Ей все равно, чьи интересы задѣвались ея строительствомъ, тѣмъ болѣе, что сама когда то принадлежала къ высшему обществу, она, хотя и не любила вспоминать объ этомъ, но связи свои сохраняла и поддерживала Въ монастырѣ она не прощала только противленкамъ. Своеумокъ гоняла до того, что тѣ разомъ понимали тщетную борьбу съ игуменьей. Она казалась какимъ-то циклономъ, шла впередъ, точно подчиняясь не собственному произволу и ломая по пути все, что осмѣливалось не преклониться передъ нею... Мать Клеопатра нигдѣ не терялась, на сильныхъ міра смотрѣла властно... никогда не улыбалась и душой не вертѣла».

Мѣстный преосвященный такъ отзывался о Клеопатрѣ:

«Ей поручи арміей командовать, такъ она тебѣ дванадесять языкъ, какъ жидовскую перину, по воздуху пуститъ—во всѣ стороны пухъ полетитъ. Ей равной въ Европѣ нѣтъ. Да и въ Америкахъ поищешь. Вонъ во Франціи пишутъ свѣтопреставленія—всѣ въ Панамѣ прокрались, и никакъ они разобраться не могутъ: кому кого судить... Избери мать Клеопатру президентомъ—она бы ихъ живо расточила. Кого куда—всякому бы надлежащее мѣсто нашла... Забыли бы и думать»...

Кто бы ни пріѣзжалъ въ монастырь изъ богомолицъ, непремѣнно надѣвалъ черные платки. «У меня этого краснаго, зеленаго, голубаго да желтаго чтобы не было»—разъ навсегда объявила мать Клеопатра. «И буколекъ съ челками терпѣть не люблю».

Несмотря на всю свою суровость, мать Клеопатра была женщина сострадательная и легко трогалась чужимъ горемъ.

Въ монастырѣ и помимо матери Клеопатры были родовитыя и образованныя монахини. Такова напр. была мать Александра, бывшая княжна, доселѣ еще сохранившая связи. «Переписка ея съ далекою знатью часто погружала простыхъ инокинь въ священный ужасъ, когда онѣ видѣли у нея конверты съ золотыми коронами и узнавали «откуда

сіе». Но смиренная монахиня не кичилась этимъ и не желала никакихъ отличій. И ее, какъ и прочихъ, привела въ монастырь жизненная драма.

Женскій же монастырь изображенъ и въ другомъ романѣ того же г. Немировича-Данченко *)—«Подъ звонъ колоколовъ». Въ противоположность предыдущему роману, здѣсь совсѣмъ нѣтъ выпуклыхъ типовъ—изображается лишь общая жизнь монастыря, полная мира и благоволенія. Составъ насельницъ монастыря разнообразенъ: есть здѣсь и ученыя и дворянки и простыя—но всѣ онѣ одинаково благочестивы, добры и чистосердечны. Есть, правда, между ними и такія, которыя кажутся злыми и сварливыми, но это—лишь на первый взглядъ и притомъ все это женщины больныя и нервныя. Мирная тишина и безмятежный покой монастырской жизни производятъ такое неизгладимое впечатлѣніе на душу воспитавшейся въ монастырѣ героини романа, что она, послѣ неудавшейся семейной жизни, тотчасъ же снова и навсегда поселяется въ воспитавшей ея обители.

Въ романѣ г. Всев. Соловьева «Цвѣты бездны» (*Русскій Вѣстникъ*, 1896 г.) выведена и еще игуменья—мать Нимфодора. Глядя на эту полную, румяную, добродушную и веселую женщину, никто не узналъ бы въ ней воздушную, хорошенькую, живую какъ ртуть, безсознательно кокетливую и соблазнительную свѣтскую барышню, какою она была двадцать лѣтъ тому назадъ. Жизненная драма и потеря вѣры довели ее до покушенія на самоубійство, но револьверъ далъ осѣчку. «И въ тотъ же мигъ радость жизни охватила ее, и въ тотъ же мигъ въ ней вспыхнула теплая, отрадная вѣра. Она поняла, что надо жить и такъ жить, чтобы жизнью искупить весь прежній грѣхъ и прежнее неразуміе, такъ жить, чтобы жизнью настоящею, приготовиться къ настоящей смерти, за которою для нея теперь начиналась таинственная, лучезарная даль вѣчной жизни духа».

*) Отъ частаго изображенія монаховъ и монахинь г. Немировичъ-Данченко иногда повторяется, напр. одни и тѣ же обличительныя слова изъ пророка Амоса онъ влагаетъ въ уста разныхъ лицъ.

«Она продала имѣніе, взяла деньги и пошла съ ними въ монастырь. Она выбрала монастырь не какъ тихое пристанище, а какъ поприще единственной доступной для нея живой дѣятельности... Незамѣтно усвоила она себѣ добродушную размашистость манеръ и нѣкоторую простонародность рѣчи. Она «поправляла» уже третью обитель, имѣла самыя разнообразныя обширныя сношенія, умѣла, какъ никто, привлекать пожертвованія, заводила сиротскіе дома и школы, умѣла ладить со всякимъ начальствомъ и въ то же время творить свою волю. Она держала въ строгости и повиновеніи свою «черную команду», по ея выраженію, но была за то такъ же строга къ себѣ—и «черная команда отлично это знала». Мать Нимфодора, правда, любила иногда поѣсть, любила и шипучій клюквенный морсъ, но за то по постамъ по цѣлымъ недѣлямъ выдерживала себя лишь на хлѣбѣ и водѣ.

«И она стала счастлива... Мысли о смертномъ часѣ не страшили ея, а, напротивъ, только бодрили, только заставляли еще неустаннѣе и сердечнѣе дѣлать дѣло здѣшней жизни, дѣло радостной любви къ ближнимъ—поить, кормить, отогрѣвать и утѣшать всѣхъ, приходящихъ съ нею въ соприкосновеніе».

Въ томъ же романѣ мимоходомъ выведенъ типъ другой игуменьи, предмѣстницы матери Нимфодоры.

«Матушка Анастасія вдовою была, образованная такая, свѣтская, въ Смольномъ институтѣ училась. Дочки своей единственной она давно уже лишилась, съ горя этого и въ монастырь пошла... У себя она воспитывала одну сиротку—и учила ее всему, даже по-французски выучила. Она все, бывало, по-французски... даже и такъ, что, забывшись, французскія молитвы читала—и очень дорожила книгою «Choix d'ouvrages mystiques».

Въ романѣ «По новому пути» г. Данилова мы знакомимся съ монахиней Ларисой. Мать Лариса—изъ духовныхъ. Это—простая, скромная, благочестивая и трудолюбивая монахиня. Одинъ свѣтскій знакомый убѣждаетъ ее про-

честь «Евгенія Онѣгина». Она читаетъ и такъ какъ ей нравится Татьяна—она записываетъ ее въ поминанье; но отъ дальнѣйшаго чтенія отказывается наотрѣзъ, да и за прочитанное хочетъ каяться духовнику.

Какъ картина не бываетъ безъ фона, и за центральными фигурами нерѣдко виднѣются на ней въ отдаленіи другія, менѣе крупныя, такъ и въ литературныхъ произведеніяхъ, кромѣ главныхъ героевъ, обыкновенно выводится немало второстепенныхъ и третьестепенныхъ, обрисованныхъ двумя тремя штрихами. И въ разбираемыхъ нами произведеніяхъ, какъ мы уже и упоминали, встрѣчается немало такихъ типовъ—монашествующихъ лицъ. Есть здѣсь и схимники, и печальники, и молчальницы и подвижницы; есть даже и юродивые—извѣстный уже намъ юродивый Миронычъ, поющій у себя въ кельѣ всѣ церковныя службы, причемъ, при паннихидахъ, покойника изображаетъ у него продырявленная картофелина—земляной плодъ, символъ земнаго существа; Авраамій, который не нравящимся ему людямъ (а не нравятся ему люди дурные) кричитъ: «уязвленъ будеши», а несвязными словами дѣлаетъ мѣткія характеристики,—этого можно увести, только сказавъ ему, что за нимъ сынъ его Іаковъ пришелъ («На пути къ счастью»); юродивая Ирина, постоянно ожидающая жениха (евангельскаго). И опять мы должны сказать, что все это искренно благочестивые, смиренные, простые и добрые люди, желающіе лишь одного—спасенія себя и ближнихъ. Два-три мелкихъ немного каррикатурныхъ типа (матери Ирины «Цвѣты бездны», игумена «По новому пути» г. Данилова) слишкомъ незначительны. Нѣкоторыя обители очень бѣдны: крыши покрасить не на что, стѣны облупились, а трапеза у монаховъ крайне скудная, чай пьютъ они безъ сахару—«для скусу» рябину кладутъ—но не унываютъ и не ропщутъ, надѣясь на милость Божію. Иные монахи ужъ, пожалуй слишкомъ строги: находятъ неприличнымъ даже держать въ кельяхъ цвѣты.

«Какъ бы это сказать? Грѣха собственно нѣтъ, а напрасный помыселъ можетъ быть—разсуждаетъ по этому

поводу одинъ монахъ («Волчья сыть»)—потому иноку полагается прозирать внутренняя. Сегодня цвѣтокъ, завтра—лѣпообразные покровы, а послѣ завтра—Господи спаси—и прельстительнымъ ликомъ соблазнишься. Дьяволъ-то вѣдь лукавъ. Онъ не то чтобы сразу тебя грѣхомъ оболокъ. Онъ, песъ, терпѣливъ тоже, ждать умѣетъ! Издали подходитъ—сначала мизинчикомъ тебя поманитъ: твореніе-де Божье—полюбуйся, сколь оно прекрасно; а только ты ротъ разинулъ, анъ онъ ужь тебя и за полу держитъ. Моя-де добыча—ликуй адъ, и рыдайте праведники».—Немало надоѣдаютъ монахамъ и барыни—изъ числа такихъ, которыя «не для совѣсти или угрызенія ѣздятъ, а больше отъ праздности и для многоглаголанія». «Шелковыми хвостами треплются, ходятъ по кельямъ побѣдоносицами, и глаза у нихъ какъ луковицы» —характеризуютъ такихъ монахи. Отецъ Гермогенъ, по своей простотѣ, не стерпѣвъ, вывелъ одну такую посѣтительницу вонъ изъ монастырскаго корридора, за что и былъ посланъ настоятелемъ на цѣлый день корчевать пни въ монастырскомъ лѣсу. «Силы тебѣ, я вижу, некуда дѣвать; сказалъ ему при этомъ настоятель». Это наказаніе, впрочемъ, Гермогена нисколько не огорчило, такъ какъ всякое послушаніе онъ принималъ и исполнялъ съ радостью, а корчевать пни ему, при его страшной силѣ, было даже очень любо.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію типовъ бѣлаго духовенства.

Бѣлому духовенству въ свѣтскихъ журналахъ за 1896—97 годы посвящено не менѣе двадцати повѣстей и разсказовъ, причемъ наибольшее вниманіе оказывается священникамъ. Это и понятно, такъ какъ священникъ есть главный представитель бѣлаго духовенства. Здѣсь есть самые разнообразные типы священниковъ—старыхъ и молодыхъ, городскихъ и сельскихъ, съ обыкновеннымъ, семинарскимъ образованіемъ и съ академическимъ—«академиковъ», какъ ихъ обыкновенно и не совсѣмъ правильно называютъ. Мы начнемъ свое обозрѣніе съ старыхъ священниковъ и прежде всего съ городскихъ.

Въ этомъ отношеніи первое мѣсто долженъ занять старый священникъ магистръ, выведенный, правда, мимоходомъ, въ повѣсти г. Чаева «Подспудныя Силы» (*Русскій Вѣстникъ* 1897 г.). Это—горячій и образованный человѣкъ, читающій въ подлинникѣ нѣмецкихъ классиковъ и ведущій съ однимъ свѣтскимъ господиномъ горячій и даже ожесточенный споръ о Гете, котораго онъ упрекаетъ въ узости и односторонности взглядовъ. Отъ этого священника (какъ и отъ самого автора повѣсти) вѣетъ пятидесятыми и даже сороковыми годами, съ ихъ любовью, къ сожалѣнію, утрачиваемою теперь, къ отвлеченнымъ философскимъ воззрѣніямъ...

Въ романѣ г. Стахѣева «Духа не угашайте» (*Русскій Вѣстникъ* 1896 г.) читатель знакомится съ о. Максимомъ, священникомъ одной изъ церквей московскаго замоскворѣчья, простымъ и добрымъ старикомъ.

«Когда-то высокій, полный и широкоплечій, съ румянымъ лицомъ и черной густой бородой, теперь сгорбившійся и осунувшійся, онъ, подъ тяжестью лѣтъ и житейскихъ непогодъ, утратилъ прежнюю полноту и, казалось, даже ростомъ сталъ ниже. Густые, темные волосы, когда то тщательно заплетавшіеся на ночь въ косички и волнистыми кудрями ниспадавшіе на плечи, теперь уже не заплетались и не красовались на его плечахъ, уступивъ свое мѣсто широкой лысинѣ во всю голову и повиснувъ жалкими остатками кой гдѣ около висковъ и на затылкѣ. Борода ему тоже измѣнила, порѣдѣла и побѣлѣла, а по лицу легли глубокія морщины.

«Но старѣя и ослабѣвая тѣломъ, онъ былъ бодръ духомъ, характеръ его какъ въ дни молодости, такъ и теперь былъ спокойный и ровный, и наклонность пошутить, сказать острое, безобидное для другихъ слово и посмѣяться—чаще всего надъ самимъ собою—попрежнему не оставляла его.

«Въ дни молодости, по нестяжательности своей и неумѣнью хорошо устраивать житейскія дѣла, онъ, будучи академикомъ, получилъ приходъ въ отдаленномъ и бѣдномъ селѣ и

пробылъ тамъ болѣе десяти лѣтъ, пока не былъ замѣченъ самимъ митрополитомъ Филаретомъ, признавшимъ его достойнымъ перевода въ Москву».

«У отца Максима домикъ небольшой, одноэтажный, въ три окна на улицу. Тяжеловѣсная мебель краснаго дерева еще болѣе стѣсняетъ маленькое помѣщеніе, однако чистота вездѣ безпримѣрная, на полахъ коврики-дорожки, нѣсколько отцвѣтшіе и пострадавшіе отъ времени, на окнахъ тюлевые занавѣсы, въ переднемъ углу, какъ быть слѣдуетъ, лампада передъ образами и столикъ-угольникъ, съ полочками, заложенными книгами; передъ диваномъ—большой круглый столъ, покрытый вязаной бѣлой скатертью; въ растворенную дверь сосѣдней комнаты видны тоже образа въ углу и горящая лампада»...

Отецъ Максимъ хотя уже вдовъ, но не одинокъ.—У него живетъ овдовѣвшая тоже дочь съ малыми дѣтьми. Бывало, сидитъ отецъ Максимъ въ залѣ съ гостемъ, а дѣти кричатъ и плачутъ въ сосѣдней комнатѣ. Отецъ Максимъ нѣкоторое время хмурится и покачиваетъ головой, наконецъ громко говоритъ:

«Эй, вы тамъ, Петровичи и Петровны, умолкните! Вотъ я васъ всѣхъ по угламъ разставлю»...

Но шумъ вмѣсто того, чтобы затихнуть, увеличивается, пока мать не водворитъ порядокъ

«Не безъ шуму у насъ иногда,—замѣчаетъ о. Максимъ, обращаясь къ гостю,—сироты мои, «сіи птенцы гнѣзда Петрова», народъ безпокойный».

О. Максимъ принимаетъ близко къ сердцу интересы своихъ прихожанъ и старается мирить ссорящихся.

Нѣсколько похожій на о. Максима, но болѣе подробно и опредѣленно очерченный типъ выведенъ въ повѣсти г. Данилова «По новому пути»,—въ лицѣ о. Андрея, старшаго священника женскаго монастыря въ одномъ захолустномъ городкѣ. О. Андрей—пожилой, благочестивый и серіозный священникъ. «Это былъ не высокій, видный человѣкъ, еще не старый, хотя въ длинной темной его бородѣ была уже сильная

просѣдь. Въ манерахъ его выражалось своеобразное достоинство, особенно когда онъ, выходя куда нибудь, нѣсколько въ бокъ вскидывалъ голову, точно чтобы поправить длинные волосы, которые въ свое время были у него очень хороши. Онъ говорилъ медленно, но очень звучно и ясно, точно стараясь овладѣть всѣмъ вниманіемъ того, къ кому обращался, и благосклонный его взглядъ бывалъ иногда такъ присталенъ, что отъ него неловко становилось. Онъ прошелъ суровую жизненную школу и много видалъ на своемъ вѣку».

«Жизнь всякаго пастыря церкви не нерадиваго, не равнодушнаго—есть борьба, борьба тяжелая!»—говаривалъ онъ. Любимыя его слова, которыя онъ произносилъ съ необыкновенною отчетливостью и выразительностью, были: «Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой—кого убоюся?».. «Когда о. Андрей въ первый разъ въ жизни долженъ былъ служить обѣдню, его за сутки трясла лихорадка при мысли объ этомъ; онъ не спалъ ночь. Предъ алтаремъ онъ стоялъ дрожа и пламенѣя; слезы катились изъ его глазъ отъ страха и радости, и онъ не замѣчалъ ихъ. И потомъ иногда, при его послѣдующемъ служеніи, воспоминаніе объ этомъ первомъ мерцало передъ нимъ не всегда достигаемымъ, таинственнымъ счастіемъ»..,

О. Андрей—человѣкъ умный, разсудительный и искренній, образцовый семьянинъ и хозяинъ. Онъ очень любитъ просвѣщеніе, любитъ говорить и говоритъ хорошо. Онъ все видитъ, что дѣлается дома—даже когда занятъ; безъ его вѣдома ни одна ленточка не покупается дочерямъ. Прихожанъ онъ не тѣснитъ и не вымогаетъ, очень тяготится сборами съ нихъ (въ этомъ отношеніи онъ даже гордъ); любитъ одолжать, когда можно, хотя денегъ даромъ тратить не любитъ.

Семейная жизнь отца Андрея, спокойная и вмѣстѣ безустанная, отрезвляющимъ образомъ дѣйствуетъ на молодого петербургскаго аристократа Бѣгичева, наскучившаго Петербургомъ и пріѣхавшаго служить сюда. «Ему было тепло,

отрадно и ново слѣдить за этою, совершенно ему чуждою, семейною жизнью. То она изумляла его, то казалась прекрасною, какъ идеалъ, и потому не натуральною. Въ ней не было ни суеты, ни разочарованія, ни ссоръ, ни праздности. Они всѣ повиновались какому-то внутреннему и недоступному Бѣгичеву закону и во всякомъ случаѣ непзвѣстному ему, и временами ему казалось, что онъ понимаетъ чувство блаженства, которое испытываетъ отецъ Андрей, возвращаясь отъ вечерни въ свою семью къ ужину и переживая съ нею недолгія минуты отдыха. Вся семья за круглымъ столомъ стариннаго краснаго дерева: поднявъ отъ *Церковныхъ Вѣдомостей* голову съ очками, сдвинутыми на лобъ, и подперевъ кулакомъ лицо, смотритъ отецъ Андрей поочередно на всѣхъ своихъ, съ любопытствомъ слушаетъ, что они говорятъ, вставляя свои короткія замѣчанія. Въ чемъ былъ такой покой согласной жизни между мужемъ и женой? ихъ взаимное послушаніе и довѣріе? Неужели они еще любили другъ друга?.. Случалось, попадья разгорячится, разворчится—въ семейномъ быту чего не бываетъ,—отецъ Андрей ее никогда не прерывалъ, пока она сама не перестанетъ.—«Ну, что,—проговоритъ, когда она замолчитъ,—все сказала? кончила? Ну, теперь *полно*!» И за это *полно* она никогда не переступала—все кончалось этимъ словомъ».

Въ большей части разбираемыхъ нами повѣстей и разсказовъ выводятся типы смѣшанные—и стараго и молодого духовенства. Таковъ, напримѣръ, романъ Марка Басанина (псевдонимъ) изъ жизни тоже городскаго или, правильнѣе, пригороднаго, кладбищенскаго духовенства—«Новоселковское кладбище» (*Новое Время* 1897 г.). Писательница, пишущая подъ этимъ псевдонимомъ, уже не впервые выводитъ въ своихъ произведеніяхъ духовенство. Назадъ тому года два она дала публикѣ разсказъ «Академикъ», гдѣ студентъ духовной академіи, теперешнихъ временъ, пресеріозно разсказываетъ, что у нихъ въ академіи и лекціи читаются и диспуты ведутся на латинскомъ языкѣ. Въ «Новоселковскомъ кладбищѣ» выводятся три священника: настоятель—о. Петръ,

«ранній» (второй) священникъ—о. Ѳеофилъ и преемникъ его—«академикъ» о. Анемподистъ. Старшій изъ нихъ по возрасту—о. Ѳеофилъ, служившій въ санѣ священника около сорока лѣтъ.

О. Ѳеофила читатель не застаетъ уже въ живыхъ: его только что похоронили, и знакомится съ нимъ изъ дневника кладбищенскаго діакона Силы Ѳавматургова. Вотъ какъ изображаетъ въ своемъ дневникѣ этотъ послѣдній своего учителя и благодѣтеля, какъ онъ называетъ о. Ѳеофила.

.. «Всѣ говорятъ, что Ѳеофилъ былъ праведникъ, что такого уже не нажить, и вообще всѣ хвалили покойнаго. Да и какъ не хвалить? Воистину рѣдкостный былъ человѣкъ, и я, по своему малому разуму, не иначе, какъ за святаго его почитаю...

... Сколько разъ принимался я писать о Ѳеофилѣ и всегда желалось мнѣ съ точностью изобразить сего человѣка. И ничего не выходило, и я разрывалъ написанное. Чувствую, что нѣтъ у меня ни разума, ни краснорѣчія, ни умѣнія, чтобы достойно повѣствовать о столь высокомъ предметѣ. Но буду говорить, какъ умѣю. Сей Ѳеофилъ былъ старецъ лѣтъ семидесяти, роста малаго, сложенія худощаваго. Лицо же имѣлъ столь благообразное и кроткое, что умилительно и пріятно было на него смотрѣть, а глаза не тускные старческіе, но ясные и зоркіе, и, казалось, когда ихъ обращалъ онъ на кого, то проникали въ самую душу. На нашемъ кладбищѣ онъ священствовалъ безъ малаго сорокъ лѣтъ, и я, при поступленіи моемъ, засталъ его еще бодрымъ и здоровымъ, но уже одинокимъ. Была у него жена и трое дѣтей, и всѣхъ онъ схоронилъ. И долго грустилъ и печалился и не могъ утѣшиться. Объ этомъ самъ мнѣ разсказывалъ. И только тогда успокоился,—говорилъ онъ мнѣ,—когда смягчилось сердце мое и умудрился умъ мой и понялъ, что всѣ люди добрые и братья мнѣ, и дѣти всѣ—мои дѣти. Дѣтей же любилъ нѣжно и, не приласкавъ, не пройдетъ, бывало, мимо. Котораго увидитъ въ лохмотьяхъ, того одѣнетъ, который голоденъ—накормитъ, а въ карманахъ у него

въ подрясникѣ всегда водились бублики и сласти для ребятишекъ. Доходы свои онъ распредѣлялъ такъ: малую часть бралъ себѣ, сколько на прожитіе потребно, а остальное дѣлилъ пополамъ. Половину клалъ въ кружку для бѣдныхъ, а другую всю раздавалъ безъ остатка, кому придется, кто попроситъ и сколько у него на тотъ разъ случится. И такимъ то образомъ, когда умеръ, оказалось всѣхъ денегъ у него тридцать рублей, что приготовилъ себѣ на погребеніе. Это послѣ сорока то лѣтъ священства...

... Хотя на письмѣ и не горазд я выражаться, оттого не меньше люблю покойнаго и чту память его, а сіи чувства пламенными литерами написаны въ сердцѣ моемъ, и оныя, знаю, запечатлѣлись тамъ до конца дней моихъ».

Изъ дальнѣйшихъ воспоминаній діакона Силы Ѳавматургова оказывается, между прочимъ, что о. Ѳеофилъ не могъ допустить, чтобы какому-либо покойнику, привезенному на кладбище, не была сдѣлана встрѣча. Если недѣля была о. Петра, и ему не хотѣлось дѣлать встрѣчу,—ее дѣлалъ самъ о. Ѳеофилъ. Хотя Сила живетъ съ о. Ѳеофиломъ въ одномъ домѣ, и квартиры ихъ раздѣлены лишь тонкою деревянною перегородкой, тѣмъ не менѣе онъ никогда не слышитъ голоса о. Ѳеофила. Не боялся Сила, когда ему приходилось служить съ о. Ѳеофиломъ, и опоздать къ службѣ, такъ какъ онъ не взыскивалъ и начиналъ службу одинъ.

Что касается настоятеля кладбища о. Петра, то авторъ не дѣлаетъ никакой характеристики его, и о немъ трудно сказать что либо опредѣленное. Это немолодой уже священникъ, исправный требоисправитель, человѣкъ серіозный и даже сухой, хотя и не всегда, скуповатый, но честный.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло относительно «академика» о. Анемподиста. Съ этимъ молодымъ человѣкомъ читатель знакомится еще въ то время, когда онъ, еще будучи холостымъ, ѣздитъ отыскивать себѣ невѣсту. И нельзя не сказать, что типъ Анемподиста приближается къ карикатурѣ. Вотъ какъ описывается авторомъ его наружность. «Молодой человѣкъ, маленькій, худощавый, бѣлокурый, голубоглазый,

длинноносый, съ тонкими губами, съ жидкою бородкой клиномъ и рыжеватыми усиками, съ большими и красными, костлявыми руками». Сидитъ онъ согнувшись въ три погибели и какъ-то бокомъ, стараясь занимать какъ можно меньше мѣста. Онъ находится въ безусловномъ подчиненіи у своей матери, грубой, злой и сварливой старухи, которая помыкаетъ имъ какъ мальчикомъ, называетъ дуракомъ и безцеремонно обрываетъ, когда тотъ говоритъ, что не желаетъ жениться на некрасивой, или совѣстится ѣхать свататься въ совершенно незнакомый домъ. На вопросъ матери онъ даже не говоритъ: нѣтъ, а: «никакъ нѣтъ». Пріѣхавъ къ родителямъ невѣсты, онъ до того теряется, что не можетъ слова вымолвить отъ смущенія и сидитъ весь красный»..

Но насколько смѣшонъ Анемподистъ въ роли жениха, настолько несимпатичнымъ является онъ сдѣлавшись священникомъ. Куда дѣваются неловкость и застѣнчивость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и излишняя совѣстливость. О. Анемподистъ—человѣкъ исполнительный, аккуратный и сдержанный, но холодный и черствый. Діаконъ Сила говоритъ о немъ, что онъ—человѣкъ въ себѣ заключенный и не общительный, и всегда серіозный и какъ-бы чѣмъ-то недовольный. Простодушный Сила полагаетъ, впрочемъ, что это у Анемподиста отъ излишней учености. Когда у о. Анемподиста серіозно заболѣваетъ жена, онъ сначала не хочетъ посылать за докторомъ; наконецъ приглашаетъ, но дешеваго и плохого. Жена умираетъ—онъ не обнаруживаетъ никакого горя и тотчасъ же (какъ и о. Андрей младшій въ разсказѣ Забытаго «Велѣно пріискивать»), собирается принимать монашество. По этому послѣднему поводу діаконъ Сила говоритъ, что о. Анемподисту лучше бы прямо идти въ монахи, а не жениться.

Въ небольшомъ, но живо написанномъ очеркѣ г. Соколова «Послѣ святокъ» (*Русское Обозрѣніе* январь 1897 г.) выводится типичная фигура стараго сельскаго священника, благочестиваго и простодушнаго старца. Онъ такъ сжился съ церковью и съ своими священническими обязанностями,

что для него мало замѣтна разница между церковью и домомъ: онъ и дома ведетъ себя, какъ въ церкви, и въ церкви иногда немного по-домашнему.

Иногда, облачаясь предъ богослуженіемъ и читая положенныя при этомъ молитвы, дѣдъ (такъ называетъ его авторъ разсказа) прерываетъ ихъ замѣчаніями и указаніями, обращенными къ причетнику или церковному сторожу. Но это происходитъ у него отнюдь не отъ небреженія (о немъ не можетъ быть и рѣчи у этого состарѣвшагося въ храмѣ и проникнутаго святостью его священнослужителя), а отъ слишкомъ ужъ большой близости къ храму и отъ частой невнимательности и забывчивости причетника и сторожа. Конечно, и старость сказывается здѣсь.

Вотъ идетъ дѣдъ въ церковь, къ вечернѣ.

«Вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему»... «Вотъ, вотъ .. сколько разъ твердилъ я этому, какъ его... Абраму, чтобы была тугъ щетка или вѣникъ, а то вонъ и ноги печѣмъ обместь», говоритъ дѣдъ...

«Боже очисти мя грѣшнаго и помилуй мя»,—молится дѣдъ предъ алтаремъ и въ алтарѣ.—«Давай огня»...

Дѣдъ смотритъ въ уставъ, водя по строкамъ пальцемъ и говоря вполголоса, протяжно:

— Поставимъ стиховъ.. стиховъ... сти...ховъ. Что, не загораются. Сколько разъ говорилъ, чтобы клалъ спички въ сухое мѣсто. Возьми изъ печки огня. Стиховъ... стиховъ... Гдѣ же это я потерялъ?—Онъ отходитъ и надѣваетъ эпитрахиль —Господи помилуй, Господи помилуй, о, Господи помилуй! Пришелъ что-ли Василій (дьячекъ)? усталымъ голосомъ спрашиваетъ дѣдъ? Поди, отыщи тамъ въ часовникѣ вечерню, или нѣтъ: подай ризы. Не эти, охъ, не эти, это—пуды, давай Михѣвнины (даръ одной прихожанки)—полегче...

Дѣдъ благословляетъ ризы и цѣлуетъ крестъ на нихъ — «Священницы Твои облекутся въ правду и преподобніи Твои... ой, ой, ой... вотъ она, поясница-то: какъ повернешься неловко, такъ она и того»... На клиросѣ глухо откашливается дьячекъ, шумно ворочая листами Слѣдован-

ной Псалтири. Дѣдъ, облачившись, выправляетъ бороду изъ-подъ ризъ, обѣими руками приглаживаетъ волосы, полуоткрываетъ на престолѣ покровъ, цѣлуетъ престолъ. Взглядъ его падаетъ на семисвѣщникъ ‹Эка у тебя полыхаетъ какъ лампадка, что ты огонь-то такъ распустилъ›. *)

Потомъ онъ шумно, въ два пріема, отдергиваетъ завѣсу, откашливается, говоритъ: ‹Благословенъ Богъ нашъ!› и вечерня начинается›...

Но зато дома онъ такъ строго и ревностно выполняетъ все, что онъ долженъ дѣлать по уставу, какъ будто онъ не у себя дома, а все еще въ церкви. Болѣе торжественныя евангелія онъ доселѣ не можетъ читать безъ слезъ.

Дѣдъ близко принимаетъ къ сердцу интересы своихъ прихожанъ.

— Что, Ульяна, твой то все пьетъ?—спрашиваетъ онъ, напримѣръ, одну изъ прихожанокъ.

— О-о, кормилецъ, такъ пьетъ, такъ пьетъ, лопнуть хочетъ. Воздыху въ винищѣ не знаетъ... Ты бы, кормилецъ, пришелъ такъ-то, да потазалъ его маленько, все бы онъ тебя то посовѣстился.. а?

— Приду, приду.

— То-то, приди, родной... приди›.

Дѣдъ настолько бѣденъ, что доселѣ не имѣетъ своей лошади и, чтобы отвезти внука въ городъ, въ училище, долженъ каждый разъ просить лошадь у прихожанъ. Тѣмъ не менѣе онъ даетъ взаймы прихожанамъ и только добродушно подсмѣивается, когда жена напоминаетъ ему о неисправности должниковъ.

— Чтой-то, отецъ, какой ты безпамятный—у тебя хоть весь домъ растащи,- упрекаетъ его жена.

— Глупая, не помнишь-то—грѣха меньше... Блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати.

Типъ добраго пастыря и учителя народнаго выведенъ и

---

*) Какъ ни странно все это, но почти тоже самое повторяется и съ нами, когда, стоя на молитвѣ, отвлекаемся отъ нея совершенно чуждыми мыслями. На *другомъ* это только видиѣе, чѣмъ на *самомъ себѣ*.

въ маленькомъ разсказѣ г. Миллера «Пчелы» (*Историческій Вѣстникъ* апрѣль 1896 г.).—Симпатичны и старичекъ—о. Алексѣй («Изъ далекаго прошлаго» г. Северина—*Русскій Вѣстникъ* 1897 г.) и о. Николай («Повѣсть давнихъ лѣтъ» г. Засодимскаго—*Русская Мысль* 1897 г. іюль—августъ), ректоръ духовной семинаріи и смотритель духовнаго училища («Живая жизнь»).

Перейдемъ къ разсказамъ изъ жизни духовенства г. Потапенко. Отношеніе этого писателя къ духовенству и его манера писать заслуживаютъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько предварительныхъ словъ.

И. Н. Потапенко (род. въ 1856 году, въ Херсонской губерніи)—сынъ уланскаго полка офицера, сдѣлавшагося потомъ священникомъ. Учился онъ сперва въ Херсонскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ при немъ совершилось преобразованіе бурсы (свои воспоминанія объ этомъ преобразованіи онъ изложилъ въ очеркахъ: «До и послѣ»), затѣмъ въ Одесской духовной семинаріи, изъ четвертаго класса которой вышелъ и поступилъ въ университетъ. Будучи довольно знакомъ съ духовенствомъ, г. Потапенко часто выводитъ его въ своихъ разсказахъ—настолько часто, что иногда повторяется. Вообще онъ относится къ духовенству доброжелательно; но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы въ его разсказахъ фигурировали одни лишь положительно-добрые типы духовенства—у него встрѣчаются типы духовенства и противоположнаго свойства, но основное свойство таланта г. Потапенко — незлобивый и безобидный юморъ—и его манера—выставлять дурныхъ людей вообще въ смѣшномъ видѣ или какъ-либо иначе смягчать краски—дѣлаютъ то, что выводимые имъ дурные люди не производятъ очень тяжелаго впечатлѣнія. Изображая духовную среду со всѣхъ сторонъ, но не зная ея какъ слѣдуетъ, онъ иногда допускаетъ несообразности, на которыя ему неоднократно и указывала критика.

Другая особенность отношенія г. Потапенко къ духовенству заключается въ томъ, что онъ почти всѣмъ своимъ

героямъ изъ духовной среды даетъ черезчуръ ужъ церковныя фамиліи: Трикратовъ, Асмодеевъ, Маккавѣевъ, Лаудановъ и т. п.

Въ послѣднее время г. Потапенко видимо заинтересовали тѣ браки въ средѣ духовенства, которые совершаются наскоро—это именно въ тѣхъ случаяхъ, когда молодые люди, получивъ священнослужительскія мѣста, должны приискать себѣ невѣстъ и жениться въ самомъ непродолжительномъ времени. Это явленіе дѣйствительно существуетъ въ духовной средѣ, но оно совсѣмъ не такъ обще, какъ это представляется у нашего автора. *) А у него такой именно по-

*) Не говоря уже о томъ, что такой порядокъ существуетъ далеко не вездѣ и не всегда (это возможно только въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ семинаріи малолюдны, кандидатовъ на священническія мѣста не хватаетъ и молодые богословы поэтому получаютъ священническія мѣста прямо послѣ окончанія ими курса)—мало во всякомъ случаѣ найдется молодыхъ людей, которые не имѣли бы родныхъ, знакомыхъ и даже невѣстъ.

Въ сущности, ни Потапенко, ни всѣ другіе писатели, описывающіе такіе экстренные браки, а также такъ-называемые браки „со взятіемъ“ въ средѣ духовенства, не сообщаютъ ничего новаго. Браки „со взятіемъ“, когда кандидатъ священства, женящійся на сиротѣ (дочери умершаго священника или діакона), вмѣстѣ съ рукой своей невѣсты, получали и право на занятіе прихода ея умершаго отца, обусловливались, а иногда и теперь поддерживаются, заботливостью епархіальной власти о сиротахъ,—крайне тяжелымъ положеніемъ, въ какомъ, при полной необезпеченности православнаго русскаго духовенства остаются его сироты. Правда, въ прежнее время, по мѣстамъ, въ особенности на югѣ, эта заботливость принимала иногда формы, которыя въ наше время покажутся странными. Такъ, нѣкоторые преосвященные зачисляли приходы за совсѣмъ малолѣтними сиротами, и до совершеннолѣтія этихъ послѣднихъ (до того времени, когда онѣ по своимъ лѣтамъ могли уже выходить замужъ) эти приходы оставались праздными, или причислялись къ другимъ приходамъ А иногда бывали и такого рода случаи. Сироту наслѣдницу прихода привозили къ архіерею и, объявивъ, что у ней нѣтъ ни богослова, ни философа, просили самого архіерея дать ей жениха по своему усмотрѣнію. Архіерей отправлялъ невѣсту къ семинарскому начальству, которое сообщало объ этомъ богословамъ и философамъ и вызывало ихъ на „оглядины“, для чего-что совер-

рядокъ является чѣмъ-то совсѣмъ неизбѣжнымъ. Вотъ какъ описываетъ его одинъ изъ его героевъ:

... «Вѣдь онъ знаетъ, какъ это дѣлается, и представляетъ себѣ всю картину. Дядя пороется въ памяти и вспомнитъ, что въ селѣ такомъ-то, у такого то батюшки есть дочь, а можетъ быть, и двѣ и три—тѣмъ лучше, больше выборъ, и пояснитъ: у него хорошій приходъ, при томъ же онъ и землю засѣваетъ, столько то десятинъ, значитъ, и деньги есть, а слѣдственно можно будетъ взять тысченку-другую на первое обзаведеніе. Этихъ свѣдѣній будетъ совершенно достаточно Дядя возьметъ наемный экипажъ, они сядутъ вдвоемъ и поѣдутъ. Ну, вотъ, они пріѣхали. Дѣвицы прячутся, наряжаются, а, появившись, краснѣютъ и конфузятся. Въ сущности, въ душѣ онѣ уже радуются, онѣ уже понимаютъ, что пріѣхалъ женихъ. Начинаются общіе разговоры. Сидятъ всѣ вмѣстѣ часа три и толкуютъ Богъ знаетъ о чемъ, что никого не интересуетъ. Это дѣлается для приличія. Нельзя же сразу людямъ, которые никогда до сихъ поръ не видали другъ друга, начать переговоры о женитьбѣ. Но и это время даромъ не прошло, и дядя успѣлъ уже кое о чемъ пошептаться съ родителями. Тутъ его незамѣтно оставляютъ съ глазу на глазъ съ дѣвицами, онъ дѣлаетъ выборъ, знакомится, сближается. У нея оказывается что-нибудь особенно красивымъ и привлекательнымъ: глаза хороши или ротикъ, или коса до земли—у каждой женщины есть что-нибудь привлекательное, и онъ все будетъ смотрѣть на то, что у нея лучше всего, чтобъ обмануть себя и въ какіе-нибудь полчаса оказаться влюбленнымъ. А между тѣмъ

шенно въ тогдашнихъ нравахъ—ставило невѣсту около дверей класса („Очерки быта малороссійскаго сельскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ“ Е. Крыжановскаго. Ср. „Руководство для сельск. пастырей“ 1864 г. т. 3-й). Конечно, и для того времени такіе случаи были исключительными... Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что по болѣе древнему *обычаю* и для выбора невѣсты царю собирали дѣвицъ на смотръ. Много привозили ихъ и увозили, какъ было это, напримѣръ, при женитьбѣ царя Алексѣя Михайловича.

надо торопиться: скорѣй, скорѣй, время дорого. Это говоритъ взглядъ дяди, который случайно заходитъ сюда. Онъ уже переговорилъ съ родителями и тихонько сообщаетъ ему на-ухо: тысячу рублей, да пару лошадокъ выторговалъ, а у нея полный гардеробъ, бѣлья двѣнадцать перемѣнъ и еще кое что. Дѣвица съ образованіемъ, кончила епархіальное, даже на фортепьянахъ играетъ, чего думать? объясняйся! И вотъ они вдвоемъ Какъ-то всѣ вдругъ исчезли, и онъ, словно подъ вліяніемъ какого-то внушенія, торопливо объясняется; не договаривая фразъ и путаясь, онъ разсказываетъ, въ чемъ состоитъ его цѣль, знакомитъ съ своими данными, называя приходъ и доходность его, и дѣлаетъ предложеніе. Дѣвица, конечно, ссылается на родителей, а родители предложеніе принимаютъ, потому что выдать дѣвицу замужъ всегда пріятно, всегда облегченіе для семьи. А черезъ три дня ихъ вѣнчаютъ... («Живая Жизнь»).

Къ этой картинѣ нужно добавить только то, что если въ одномъ мѣстѣ дѣло почему-либо не слаживается, женихъ съ своимъ сватомъ ѣдутъ дальше, гдѣ повторяется точь въ точь та же процедура; отсюда—еще дальше, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, цѣль поѣздки не достигается.

Нужно замѣтить еще и то, что во всей этой картинѣ нѣтъ и слѣда какой-либо насмѣшки или глумленія. Изображается лишь обыкновенная житейская сцена, нѣсколько только приправленная обычнымъ добродушнымъ юморомъ г. Потапенко. Вѣдь какъ же иначе и дѣлать, если въ самомъ дѣлѣ нужно въ нѣсколько дней найти невѣсту и жениться? Нѣтъ ничего ни дурного, ни смѣшного и въ томъ, что за невѣстой просятъ кое что изъ приданаго. Вѣдь будущіе молодые должны сейчасъ же начать вести *хозяйство*, а у него нѣтъ ничего. Какъ же жить и вести хозяйство, ничего не имѣя? При томъ же нашъ авторъ неоднократно говоритъ, что подобные браки зачастую оказывались счастливыми, и такъ экстренно повѣнчанные молодые мирно и прекрасно проживали жизнь.

На эту именно тему написаны два («Счастье по неволѣ»

и «Судьба») и отчасти третій («Живая Жизнь») изъ четырехъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію разсказовъ г. Потапенко. Два первые, относительно которыхъ на основаніи заглавія и первыхъ страницъ можно безошибочно сказать, чѣмъ они окончатся, весьма сходные по содержанію, написаны еще и на ту тему, что въ то время, какъ всѣ безумно и ожесточенно гоняются за счастьемъ, бываютъ и такіе люди, за которыми счастье само гоняется. Вотъ содержаніе разсказа «Счастье по неволѣ» (*Историческій Вѣстникъ* 1897 г., январь—іюль).

Молодой человѣкъ, только что окончившій курсъ духовной семинаріи («богословъ»), Егоръ Маккавѣевъ, получаетъ священническое мѣсто и долженъ немедленно жениться, такъ какъ черезъ нѣсколько дней назначено уже его рукоположеніе во священника. Между тѣмъ у Егора не только нѣтъ невѣсты, но даже нѣтъ никакихъ родныхъ, нѣтъ даже и знакомыхъ. Онъ все время своего ученья безвыходно прожилъ въ семинаріи. Въ практической жизни онъ до того неопытенъ, что внѣ семинаріи буквально шагу боится ступить и не понимаетъ самыхъ простыхъ житейскихъ отношеній. Ректоръ семинаріи даетъ ему денегъ на дорогу, такъ какъ у самого Маккавѣева, понятно, нѣтъ и не бывало ни копѣйки, и отправляетъ его въ одинъ уѣздный городокъ, къ соборному діакону, тоже Маккавѣеву—въ единственной надеждѣ—не окажется-ли тотъ родственникомъ Егору. Надо же куда-нибудь дѣвать его, такъ какъ самому Егору дѣваться совершенно некуда. По дорогѣ, на пароходѣ, Егоръ знакомится съ дьякомъ (дьячкомъ) Евтихіемъ (точнѣе сказать—самъ Евтихій знакомится съ Егоромъ) и его двумя дочерьми, причемъ старшая изъ нихъ—Вѣра—очень нравится Егору (вообще не видавшему доселѣ женщинъ вблизи), который въ свою очередь нравится ей. Дьякъ и его дочери принимаютъ (и совершенно безкорыстно) въ Егорѣ самое живое участіе и приводятъ въ нѣкоторый порядокъ его весьма непрезентабельный костюмъ, для чего дьякъ тратитъ всѣ бывшія у него деньги.

Соборный діаконъ, о. Гурій Маккавѣевъ, сначала встрѣчаетъ Егора довольно-таки непривѣтливо, но, узнавъ, что онъ «богословъ» и назначенъ на мѣсто, да еще на хорошій приходъ, сразу мѣняетъ тонъ. Родственникъ-ли онъ въ дѣйствительности Егору, это и имъ обоимъ и читателю до конца разсказа такъ и остается неизвѣстнымъ, но только о. Гурій дѣйствительно принимаетъ въ Егорѣ близкое участіе. Оказывается вдобавокъ, что о. Гурій настоящій сватъ: онъ возитъ по уѣзду ищущихъ невѣстъ молодыхъ людей, дѣлая это безъ всякой корысти, единственно изъ любви къ искусству. Нанявъ извозчика, Маккавѣевы немедленно пускаются въ путь. Возя ихъ такимъ образомъ по уѣзду, авторъ даетъ намъ небольшую галлерейку типовъ: батюшекъ, матушекъ и ихъ дочекъ. Но тутъ неожиданно встрѣчается нѣкоторое отступленіе отъ программы. Егору, который, несмотря на свое полное практическое младенчество, оказывается очень (даже, пожалуй, черезчуръ) здравомыслящимъ юношей и у котораго въ головѣ, вдобавокъ, все время сидитъ Вѣра (дѣвушка дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная), не нравится ни одна изъ невѣстъ, такъ что о. Гурій, наконецъ, начинаетъ приходить въ отчаяніе. Да и есть отчего: черезъ два дня рукоположеніе, а невѣсты все нѣтъ. Такой незадачи съ о. Гуріемъ никогда еще не случалось. Отъ этого даже можетъ пострадать его репутація свата. Онъ начинаетъ серіозно подозрѣвать, что у его богослова въ головѣ что-то неладно. Дѣло кончается тѣмъ, что Егоръ буквально убѣгаетъ тайкомъ изъ одного слишкомъ ужъ гостепріимнаго дома къ Евтихію, куда за нимъ пріѣзжаетъ и Гурій, сватается, все-таки при содѣйствіи о. Гурія, къ Вѣрѣ, женится на ней и затѣмъ становится священникомъ. «И можетъ быть, заключаетъ свой разсказъ авторъ, во всей губерніи не было такого счастливаго іерея, какимъ сталъ настоятель Окуневскаго прихода, отецъ Егоръ Маккавѣевъ». Нужно прибавить въ заключеніе, что, несмотря на нѣкоторыя несообразности, разсказъ написанъ чрезвычайно живо и съ большимъ юморомъ.

Типы священниковъ въ этомъ разсказѣ некрупны. О. Софоній Асмодѣевъ—большой хозяинъ и состоятельный человѣкъ. Имѣетъ двухъ дочекъ, изъ которыхъ прежде желаетъ выдать непремѣнно старшую. О. Пафнутій Трикратовъ—очень добрый и мягкій и совершенно незамѣтный человѣкъ въ домѣ, гдѣ всѣмъ заправляетъ матушка. Этотъ готовъ отдать любую изъ своихъ шестерыхъ дочерей—за какую прежде посватаются. Большаго вниманія заслуживаетъ только о. Серапіонъ, прекраснѣйшій человѣкъ, но подъ вліяніемъ семейнаго несчастія (жена у него во время оно сбѣжала съ офицеромъ, хотя потомъ и вернулась) начавшій пить запоемъ. Въ пьяномъ видѣ онъ даже буйствуетъ. Придя въ себя онъ совершаетъ всѣ накопившіяся за время его запоя требы, даже освобождая отъ нихъ дьячка

«Протрезвленія отца Серапіона терпѣливо ожидали на деревнѣ. Никто не протестовалъ, никто не собирался на него жаловаться и требовать справедливости. Мужики любили о Серапіона за его кротость, простоту и доброту, съ которой онъ относился ко всѣмъ, когда былъ трезвъ, и все прощали ему. Кромѣ того, вѣдь это здѣсь, на этомъ же приходѣ, случилась съ о. Серапіономъ та трагическая исторія, которая испортила ему всю жизнь, и многіе мужики были свидѣтелями его драмы; это тоже принималось во вниманіе, и мужики говорили между собой:

— Это и простому человѣку, ежели съ нимъ случится, великое горе, а батюшкѣ такъ даже особенно... Съ этакого горя не то что запьешь, а на стѣну полѣзешь».

Таковъ же сюжетъ и разсказа «Судьба» (*Нива*, 1896 г. №№ 49—52). Здѣсь только дѣло рѣшается гораздо скорѣе. Исключенному изъ семинаріи молодому поповичу Василію, юношѣ лѣнивому и безпечному, но неглупому и съ сердцемъ и вдобавокъ мечтательному, по ходатайству благочиннаго, большого пріятеля его отца, преосвященный даетъ дьяконское мѣсто. Рукоположеніе назначено черезъ нѣсколько двей, а до этого времени нужно найти невѣсту и жениться. Мать Василія хочетъ женить его на дочери богатаго гон-

чара, отецъ хотя и не одобряетъ такого брака, но и не противится, по самому Василію заочно нравится дочь дьякона сиротка Лизанька Благоволенская, которую сватаетъ ему сосѣдній священникъ о. Мартирій. И несмотря на то, что въ головѣ Василія, кажется, отъ роду не было ни одной мысли, онъ ловко успѣваетъ отдѣлаться отъ дочери гончара и женится на Лизанькѣ.

Объ о Яковѣ (отцѣ Василія) читатель узнаетъ изъ этого разсказа только то, что это пожилой, разсудительный и осторожный человѣкъ. Гораздо рельефнѣе обрисованъ о. Мартирій. Это молодой еще человѣкъ, но уже вдовый. Отъ тоски онъ сталъ даже выпивать иногда. «Не знаю, за что Богъ покаралъ меня—жену отнялъ, печалуется о. Мартирій. Трудно мнѣ, очень трудно! Тоска беретъ, холодъ душевный, оттого и выпиваю.» Но при всемъ томъ о. Мартирій человѣкъ очень добрый и безкорыстный: домъ его полонъ бѣдныхъ родственницъ и ихъ дѣтей, и всѣхъ ихъ онъ содержитъ. Сиротку Лизу, которую онъ же и пріютилъ у себя, онъ, при выходѣ ея замужъ, награждаетъ чѣмъ можетъ. Намѣреніе матери Василія женить послѣдняго на дочери богатаго гончара встрѣчаетъ съ его стороны рѣшительное осужденіе. «Стыдно вамъ, Марина Лукинична, двояко стыдно, упрекаетъ ее о. Мартирій. Какъ будто вы не прожили жизнь и не знаете, что всего важнѣе въ брачномъ сожитіи, гонитесь за богатствомъ... Что въ немъ, въ богатствѣ? Мы тоже, когда женились, были бѣдны, какъ церковныя мыши, а что мы взяли у своихъ тестьевъ? Сами знаете: столько, чтобы можно было вѣнчанье справить, да первую рясу, да первый кафтанъ А съ голоду не померли, напротивъ—весьма даже теплыя гнѣзда свили себѣ и благоденствуемъ. Такъ-то».

Въ романѣ «Живая Жизнь» (*Міръ Божій* 1897 г.) тоже нѣтъ крупныхъ типовъ священниковъ. Одно изъ видныхъ дѣйствующихъ лицъ—о. Серафимъ Лауданов—разсудительный добродушный старичекъ и чадолюбивый отецъ. Для счастья своей единственной дочери Варенькн онъ, на

старости лѣтъ, даже бросаетъ приходъ, на которомъ состарился, домъ и хозяйство (а хозяйство у него очень большое) и ѣдетъ доживать свои дни въ Петербургъ, въ которомъ доселѣ никогда не былъ. У него есть деньги и библіотечка, въ которой есть очень рѣдкія книги.

Другое изъ дѣйствующихъ лицъ—городской священникъ, о. Лаврентій Щедротовъ—хорошій, добрый и веселый человѣкъ. Онъ съ женою любятъ пожить хорошо и потому денегъ не имѣетъ. Тѣмъ не менѣе онъ сейчасъ же принимаетъ къ себѣ осиротѣвшую семью своего умершаго брата и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ понемногу уплачивать ей деньги, которыя онъ былъ долженъ покойному брату, хотя объ этомъ долгѣ, кромѣ покойнаго и его, никто и не зналъ.

Кромѣ этихъ, въ романѣ есть еще одинъ типъ, весьма интересный и симпатичный—молодого сельскаго священника о. Василія Чебогенко. Въ семинаріи Чеботенко былъ самымъ заурядным ученикомъ и совсѣмъ незамѣтною личностью—учился исправно, былъ хорошимъ товарищемъ—и только. Но когда поступаетъ онъ на приходъ, невѣжество и нищета народная такъ его трогаютъ, что онъ всего себя отдаетъ народу.

«Нельзя смотрѣть спокойно на этотъ народъ—поясняетъ онъ одному изъ своихъ бывшихъ товарищей. Ужъ, кажется, я не очень ученъ, даже книжки посторонней не любилъ читать, знаешь вѣдь, а какъ посмотрю на нихъ, то кажусь себѣ какимъ-то великимъ ученымъ. Ужъ такая темень, такая темень!. И когда живешь тутъ, такъ нельзя спокойно спать. Тому надо дать совѣтъ, другому и дѣломъ помочь... Иначе нельзя. А они идутъ, какъ мотыльки на свѣтъ, всякій со своей нуждой. Когда въ семинаріи былъ, думалъ я, что сокровища соберу на хорошемъ приходѣ, а тутъ, вижу, не до сокровищъ. И приходъ хорошъ, а все же немного остается. Половину, чего заработаю, приходится отдавать обратно. Бѣдныхъ много... очень много бѣдныхъ».

О. Василій очень жалѣетъ о томъ, что не можетъ лѣчить народъ, и горько жалуется на то, что хотя наука процвѣтаетъ и плодитъ ученыхъ—народъ все же остается безъ помощи.

Къ приведеннымъ типамъ присоединимъ еще нѣкоторые. *Указаніе недостатковъ часто бываетъ много полезнѣе самыхъ изысканныхъ похвалъ.*

Въ разсказѣ «Забытый пономарь» (*Новое Слово*) снова выводятся предъ читателемъ два поколѣнія священниковъ—старое и молодое, и опять, какъ мы могли уже видѣть и раньше, преимущество отдается бо́льшею частію первому.

Въ семидесятыхъ годахъ было произведено сокращеніе штатовъ духовенства, причемъ, между прочимъ, была совсѣмъ уничтожена должность пономаря.—Въ одномъ селѣ доживаетъ свои дни такой сверхштатный или, какъ говорится въ просторѣчіи, «заштатный» пономарь Леонидъ, вдовый старикъ, съ своею малолѣтнею дочерью Маринкой. Священникъ этого села—добрый и благочестивый старецъ о. Анастасій, изъ жалости къ Леониду, оставшемуся безъ всякихъ средствъ съ увольненіемъ въ заштатъ, и изъ любви къ церковному благолѣпію, держитъ все-таки Леонида при церкви и даетъ ему частичку изъ своихъ личныхъ доходовъ и квартиру въ церковномъ домѣ. Но параличъ неожиданно поражаетъ о. Анастасія, и онъ уходитъ въ заштатъ, а преемникъ его, молодой священникъ о. Сергій Антидоровъ, изъ архіерейскихъ пѣвчихъ, немедленно выгоняетъ Леонида и съ клироса и изъ церковнаго дома и при этомъ, разумѣется, лишаетъ его и дохода. Леониду съ Маринкой остается только умирать съ голода на улицѣ (такъ какъ Леонидъ уже старъ и слабъ), но, къ счастью ихъ, о. Анастасій, сжалившись надъ ихъ безвыходнымъ положеніемъ, беретъ Леонида къ себѣ (у о. Анастасія собственный домъ и хозяйство) присматривать за хозяйствомъ.

Въ этомъ разсказѣ какъ разъ проявляется одна изъ тѣхъ упомянутыхъ нами наглядныхъ несообразностей, которыя часто встрѣчаются въ свѣтской литературѣ и въ частности у г. Потапенко въ его разсказахъ изъ духовнаго быта. Дѣло въ томъ, что по разсказу нашего автора выходитъ будто вся масса оставленныхъ сверхъ штата членовъ причта была прямо выброшена на улицу и предоставлена го-

лодной смерти. Между тѣмъ подобной жестокости въ духовномъ вѣдомствѣ, гдѣ человѣколюбія вообще гораздо больше, нежели во всѣхъ другихъ, не было, да и быть не можетъ. Всѣмъ оставленнымъ сверхъ штата членамъ причта было предоставлено искать штатныхъ мѣстъ въ другихъ приходахъ или проживать до своей смерти на своихъ мѣстахъ, пользуясь прежними доходами; и только послѣ освобожденія, по той или другой причинѣ, мѣстъ сверхштатныхъ членовъ причта, мѣста эти окончательно закрывались. Поэтому и такого «забытаго» пономаря, о которомъ разсказываетъ намъ г. Потапенко, въ дѣйствительности быть не могло.—Другая, хотя и меньшая, несообразность въ томъ же разсказѣ—это та, что въ губернскомъ городѣ, о которомъ упоминается въ разсказѣ, всѣ священники—«академики». Гдѣ же это авторъ разыскалъ такой городъ?

Но независимо отъ этихъ несообразностей, типы, выведенные въ разсказѣ, очерчены живо и рельефно. Весьма симпатиченъ о. Анастасій. Это—истинный пастырь. Богослуженіе онъ совершаетъ благолѣпно, истово, благовременно для прихожанъ, для чего не лѣнится вставать рано, и своею рачительностью пріучаетъ прихожанъ къ неопустительному посѣщенію храма. А насколько онъ добръ—мы уже видѣли. Онъ между прочимъ освобождаетъ Леонида отъ требъ въ тѣ дни, когда тотъ очень занятъ по хозяйству.—Совсѣмъ въ другомъ родѣ о. Сергій. Онъ—человѣкъ веселый и даже добродушный, но корыстолюбивый. На приходъ онъ смотритъ лишь какъ на доходную статью. Богослуженіе онъ совершаетъ небрежно и наскоро, вставать рано, для удобства своихъ прихожанъ, отнюдь не намѣренъ. Первая его забота по прибытіи на приходъ—это выгнать дьякона изъ занимаемой тѣмъ части церковнаго дома, а когда онъ въ этомъ стремленіи получаетъ отпоръ сначала со стороны самого дьякона, а потомъ и со стороны консисторіи, куда онъ обращается съ жалобой на дьякона—срываетъ все свое зло на беззащитномъ Леонидѣ. Дьякона и самихъ прихожанъ

онъ намѣренъ «подтянуть», находя, что его предмѣстникъ ихъ ужасно «распустилъ».

Тѣ же два поколѣнія священниковъ выводятся и въ разсказѣ г. Мартынова: «На покоѣ» (*Наблюдатель* 1896 г. №№ 3 и 4). Но здѣсь дѣло обстоитъ уже нѣсколько иначе и предпочтеніе отдается молодому поколѣнію. Фабула разсказа — неожиданное увольненіе на покой восьмидесятилѣтняго старца о. Елисея Добротворскаго, пятьдесятъ два года прослужившаго въ санѣ священника. О. Елисей образцовый и безупречный священнослужитель, но человѣкъ гордый, съ твердымъ и сильнымъ характеромъ. Онъ и съ равными себѣ и съ высшими и съ низшими обращается горделиво, свысока. Къ причту онъ строгъ, хотя и безусловно справедливъ и всегда готовъ оказать денежную помощь. Несмотря на свои весьма преклонные годы, онъ еще бодръ и крѣпокъ, и неожиданное увольненіе на покой его до того поражаетъ и разстраиваетъ, что онъ становится совсѣмъ непормальнымъ человѣкомъ. Въ нѣсколько дней его узнать нельзя, къ нему, какъ говорится, приступу нѣтъ. Даже любимая его внучка Люба, отъ роду не слыхавшая отъ него жесткаго слова, видитъ отъ старика одинъ только придирки и упреки и ничѣмъ не можетъ угодить ему. А своего преемника, о. Владиміра, онъ просто видѣть не можетъ, хотя тотъ относится къ нему съ истинно сыновнею почтительностью, похвалы же, которыя ему всѣ кругомъ расточаютъ, приводятъ о. Елисея въ крайнее раздраженіе. Особенно невыносимы ему соболѣзнованія о его увольненіи на покой (самаго слова этого онъ слышать не можетъ); а тѣ, кто пытаются утѣшать его, получаютъ съ его стороны самый суровый отпоръ. По своей гордости, о. Елисей ни съ кѣмъ ни дѣлится своимъ горемъ, и отъ этого ему, конечно, лишь еще тяжелѣе. Напряженное состояніе духа о. Елисея, наконецъ, разрѣшается пароксизмомъ, и въ измученной душѣ его совершается благодѣтельный переломъ. Онъ сознаетъ главный грѣхъ своей жизни—гордость, сознаетъ свою вину передъ близкими, а въ особенности предъ

Спасителемъ Христомъ и, послѣ жаркой молитвы, проситъ прощенія у своихъ и съ этихъ поръ становится тихимъ, смиреннымъ и безконечно кроткимъ старцемъ. Но недолго послѣ этого живетъ о. Елисей. Душевныя бури не проходятъ для него безслѣдно. Силы его начинаютъ падать и чрезъ недолгое время онъ умираетъ, съ именемъ Христа на устахъ

О. Владиміръ, преемникъ о. Елисея, и изображенъ въ разсказѣ въ такихъ привлекательныхъ чертахъ, что кажется какою то мечтой. Совсѣмъ еще молодой человѣкъ, только что рукоположенный во священники, съ пріятнымъ и привлекательнымъ лицомъ, съ прекраснымъ бархатнымъ («органистымъ», какъ выражается церковный староста) баритономъ, о. Владиміръ своею необыкновенною скромностію, лаской и кротостью производитъ на окружающихъ прямо чарующее впечатлѣніе. Несмотря на то, что онъ не умѣетъ приказывать, а лишь проситъ, да и проситъ-то даже съ какою то робостью, причтъ сразу же начинаетъ слушаться его болѣе, чѣмъ строгаго о. Елисея, а церковный староста, по его собственнымъ словамъ, влюбленъ въ него уже съ первой службы....

Въ разсказѣ, въ качествѣ вводнаго лица, выводится еще соборный протоіерей о. Сергій. «О протоіерей съ виду казался очень важнымъ: высокій, полный, степенно-благообразный, съ волнистыми сѣдыми волосами, всегда тщательно расчесанными, съ сѣдою же окладистой бородой. Онъ обладалъ чрезвычайно плавными походкою и движеніями; говорилъ нѣсколько протяжно и въ носъ; но въ сущности былъ добродушнѣйшій человѣкъ, и не только простой, а даже немного простоватый». О. Сергій высокаго мнѣнія о своемъ дарѣ слова и очень любитъ убѣждать и уговаривать.

Очень похожій на разсказъ «Забытый пономарь» разсказъ «Пафнутьичъ» напечатанъ въ 1 и 2 книжкахъ того же *Наблюдателя* за 1897 г. Только здѣсь пономарь (Пафнутьичъ) не такъ смиренъ, какъ Леонидъ. О. Тимоѳей, сорокъ лѣтъ священствовавшій въ селѣ Демьянахъ, человѣкъ

хорошій, безкорыстный, бравшій съ прихожанъ лишь то, что они сами давали ему и любимый прихожанами, умираетъ, оставивъ послѣ себя жену и непристроенную дочь. На его мѣсто поступаетъ молодой его зять о. Григорій Зубаревъ, который даже и въ разсказѣ производитъ удручающее впечатлѣніе, которое ослабляется нѣсколько только тѣмъ, что онъ сынъ отставнаго фельдфебеля, семинарскаго коммиссара, и во время прохожденія семинарскаго курса его товарищи и вся вообще семинарія терпѣть не могли и обзывали «телефономъ». Новый священникъ нашелъ, что «приходъ испорченъ» его предмѣстникомъ и что онъ можетъ дать гораздо больше. И вотъ о. Зубаревъ положилъ за всякую требу опредѣленную цѣну и такимъ образомъ получилась такса, а затѣмъ началъ неуклонно и безъ послабленія «исправлять» приходъ и дальше. Ропотъ и жалобы прихожанъ и слѣдствіе о вымогательствѣ не привели ни къ какимъ результатамъ, а о. Зубаревъ усугубляетъ свои подвиги. Онъ придирается къ причту, обдѣляетъ его при дѣлежѣ земли и доходовъ, выгоняетъ изъ дома отдавшую ему свои деньги тещу, послѣ того какъ она отказывается выпрашивать у бабъ подачки въ его пользу, увольняетъ старую просвирню Любаню, честную и исправную женщину, и опредѣляетъ на ея мѣсто свою мать, плутоватую коммиссариху, «смиряетъ» защитника Любани пономаря Пафнутьича, мучаетъ покорами жену и т. п. Но въ концѣ-концовъ Зубарева начинаетъ преслѣдовать что-то вродѣ укоровъ совѣсти; прихожане къ нему явно враждебны, и онъ переходитъ на другой приходъ.

Въ разсказѣ есть вводный типъ благочиннаго — типъ стараго аккуратнаго чиновника. У него громадный письменный столъ, аршина въ четыре длиной съ высокими конторскими полками въ два этажа по сторонамъ, гдѣ заготовлено мѣсто для разныхъ «входящихъ и исходящихъ» еще на многіе годы.

Заслуживаетъ вниманія священникъ о. Аѳанасій, выведенный мелькомъ въ извѣстномъ уже намъ романѣ г. Немиро-

вича-Данченко «Волчья Сыть». Богатый купецъ-кулакъ ссорится съ сыномъ изъ-за денегъ и угрожаетъ проклясть его. Сынъ нахально отвѣчаетъ, что отцовское проклятье для него «наплевать»: стоитъ только дать священнику четвертную, и тотъ разрѣшитъ его отъ отцовскаго проклятія. Но священникъ о. Аѳанасій, когда этотъ купчикъ является къ нему съ жалобою на отца, оказывается вовсе не такимъ человѣкоугодникомъ, какъ думалъ онъ. Не стѣсняясь силою и богатствомъ купчины, онъ подвергаетъ его суровому обличенію и выгоняетъ вонъ.

Противоположный о.о. Сергію Антидорову и Григорію Зубареву типъ молодого священника выведенъ въ разсказѣ того же г. Немировича Данченко «Встрѣчи» (*Міръ Божій* мартъ и апрѣль 1897 г.) въ лицѣ о. Петра, священника бѣднѣйшаго села Пустынпаго, разореннаго неурожаями и міроѣдами-кулаками, въ отдаленномъ захолустьѣ. О. Петръ въ шутку называетъ себя Петромъ Пустынникомъ. Онъ—изъ духовной академіи, внукъ важнаго петербургскаго священника. Сюда попалъ онъ за нѣкоторую непокорность нрава. Человѣкъ умный, просвѣщенный, очень строгій къ себѣ, онъ любитъ чтеніе и интеллигентныхъ посѣтителей и старается всѣми силами помочь невѣжеству и нищетѣ народной и бороться съ міроѣдами. «Человѣкъ убѣжденный, онъ спокойно выносилъ постигшую его несправедливость и свято исполнялъ обязанности, говоря, что для священника нѣтъ «мелкой среды» и «ничтожнаго дѣла»: вездѣ Богъ, и всякое дѣло велико, если положить въ него душу. Въ первое время онъ еще мучился здѣсь. Его тянуло назадъ, но какъ увидѣлъ и узналъ, какое кругомъ глубокое и безбрежное море нищеты, горя и страданій, какъ прочно осѣло здѣсь невѣжество и суевѣріе, какую силу надъ этою хлябью и темью захватили міроѣды—его задачи выросли предъ нимъ до необъятной высоты, и онъ невольно весь отдался ихъ выполненію. Скудная нива, жалкая, гнилая... Да авось и тутъ Господь поможетъ сдѣлать кое-что... На тучную всякій пойдетъ. Тамъ работается весело... А тутъ на впроголодь эту да на стужу

надобна настоящая сила. Сначала онъ хлопоталъ, чтобы его сняли отсюда, а потомъ написалъ дѣду: не проси за меня, хочу душу испробовать: хватитъ ли ея. И такъ вотъ третій годъ сидитъ здѣсь неотступно. Кое-что уже удалось ему. И крестьяне, сторонившіеся сначала, теперь со всякимъ дѣломъ довѣрчиво и смѣло идутъ къ нему».

Такова же и молодая супруга о. Петра. Впослѣдствіи ему, при помощи учительницы, идеальной дѣвушки, удается въ значительной степени исправить село и освободить его отъ пьянства, невѣжества и нищеты *).

Нѣсколько похожій типъ на о. Петра выведенъ въ очеркахъ г-жи Юліи Безродной «На окраинѣ» (*Новое Слово* май 1896 г.). Какая именно окраина здѣсь разумѣется, изъ разсказа не видно,—очевидно, впрочемъ, гдѣ-то въ степи. Дѣло происходитъ во время эпидеміи. Разсказъ этотъ рисуетъ между прочимъ затруднительное положеніе, въ какое попадаетъ иногда священникъ, когда ему приходится становиться между властью и народомъ, а также показываетъ, въ какой зависимости находится священникъ отъ причта, сопротивленіе котораго часто парализуетъ самыя лучшія его намѣренія.

О. Александръ—священникъ въ маленькомъ степномъ городкѣ, переполненномъ различнымъ провинціальнымъ чиновничествомъ. Это человѣкъ очень умный, просвѣщенный, честный и благожелательный, но обстоятельства дѣлаютъ его донельзя осторожнымъ.

«Вѣроятно, вы слышали о нашихъ чумныхъ бунтахъ, о судѣ надъ крестьянами—разсказываетъ онъ вновь назначенному доктору.—Вотъ послѣ этого на меня разсердилась и полиція и прокуратура: меня вызывали въ судъ давать по

*) Г. Немировичъ-Данченко вообще хорошо относится къ духовенству. Во дни его молодости имъ напечатанъ былъ, правда, разсказъ „Іерей", гдѣ былъ выведенъ вполнѣ карикатурный типъ священника, но самъ же авторъ оговорился въ примѣчаніи къ разсказу, что выведенный имъ іерей представляетъ исключеніе изъ массы „труждающихся, бѣдствующихъ и обремененныхъ сельскихъ священниковъ".

казанія; я, конечно, показалъ все по чистой совѣсти, какъ зналъ и видѣлъ. Вотъ они съ тѣхъ поръ на меня и сердятся: онъ, говорятъ, въ угоду мужикамъ показывалъ... Какъ будто можно на судѣ говорить кому-нибудь «въ угоду».

Матеріальное положеніе священника въ описываемомъ мѣстечкѣ хорошее, но о. Александръ тяготится сборами и скучаетъ по родинѣ. «По правдѣ сказать—говоритъ онъ тому же доктору—очень тяжела эта патріархальная система собиранія «новины» да Христославленья... Я уже просилъ сходъ, чтобы мнѣ положили жалованье, вмѣсто этихъ требъ да поборовъ. Я лично уже совсѣмъ пересталъ ѣздить «по новину», причтъ безъ меня путешествуетъ, я не могу! Какъ-то совѣстно заходить въ избу, гдѣ иногда тебя вовсе не желаютъ видѣть, или же разыскивать по клѣтямъ скупыхъ бабъ, которыя отъ насъ часто прячутся».

А вотъ напр. что происходитъ на сходѣ (приводимъ эту сцену въ сокращеніи). Сходъ происходитъ по поводу запрещенія начальства отпѣвать въ церкви умершихъ отъ заразной болѣзни. Мужики бунтуютъ.

«Старики! сказалъ о. Александръ... вы слышали, что сказалъ докторъ? Хоронить заразныхъ покойниковъ изъ церкви (?!) я не имѣю права».

Въ отвѣтъ на это посыпалась цѣлая масса возраженій, неособенно вѣжливыхъ.

«Выслушивая эту бурю возраженій, о. Александръ могъ только руками развести въ отвѣтъ.

— Вѣдь законъ этотъ установленъ для вашей же пользы,—сказалъ онъ, когда возгласы въ толпѣ затихли

— Какая тамъ наша польза? Что должно быть, то будетъ, хоть отъ него за семью печатями запечатайся.

— Крестьянскому попу не для чего господскую руку держать.

— Съ господами-то сладко... При господахъ бы и оставался...

Въ это время въ толпѣ крестьянъ появился церковный сторожъ, еще издали дѣлавшій священнику какіе то знаки.

— Два гроба къ церкви подвезли, папаша,—крикнулъ онъ, подойдя поближе,—а ключи у мамаши Пелагеи... Отъ церкви, значитъ... Я ходилъ, она не даетъ; говоритъ, вы не велѣли...

Въ толпѣ поднялся глухой ропотъ.

— Да, я велѣлъ ей спрятать ключи,—твердо отвѣчалъ о. Александръ,—а крестьянамъ скажи, чтобы везли прямо на кладбище; я туда сейчасъ буду.

— Я говорилъ уже... Они поставили гробы на паперть и уѣхали... Говорятъ, пока не отпоютъ, за ими не пріѣдемъ.

— Какъ падаль... Еще собаки осквернятъ.

— Да что же это, братцы, съ нами дѣлаютъ?

— Или мы не христіане?

— Братцы, братцы!—воскликнулъ отецъ Александръ дрогнувшимъ голосомъ,—за что вы мнѣ такъ не вѣрите? Развѣ я когда-нибудь вамъ дѣлалъ зло, развѣ я обманывалъ? Наконецъ, вѣдь я же духовный отецъ вашъ и клянусь, что въ томъ, что я говорю вамъ, нѣтъ ничего ни грѣховнаго, ни оскорбительнаго.

— Пока господъ не слушалъ—былъ хорошъ, а съ господами какъ связался, и сталъ самъ всего бояться,—раздалось въ отвѣтъ.

— Судьбы своей не минуешь, сколько-бы не вилялъ,—крикнулъ чей-то грубый голосъ.

Махнувъ рукой, отецъ Александръ сошелъ со ступенекъ крыльца и направился къ церкви. Онъ далъ себѣ слово отослать гробы прямо на кладбище; но у церковной ограды рѣшимость его покинула.

— Отъ Куприановыхъ, мальчикъ и дѣвочка,—сказалъ сторожъ, указывая на два маленькихъ гробика, перевязанные полотенцами,—отъ горлышка въ одночасье померли.

Дьяконъ, стоявшій уже давно возлѣ церковныхъ дверей, сердито прибавилъ:

— Отпѣвать надо.

— Законъ не велитъ,—сказалъ священникъ.

— Не ссориться же съ Куприяновыми! Тогда на насъ половина села встанетъ!

— Да когда нельзя, что же дѣлать!

— Ну, тогда я иду за отцомъ Варѳоломеемъ,—рѣшительно сказалъ діаконъ.

— Иди, Осипъ, къ матушкѣ за ключами; видно ничего не подѣлаешь съ силой людскаго невѣжества,—сказалъ отецъ Александръ, въ изнеможеніи присаживаясь на скамеечку, стоявшую возлѣ ограды».

Любопытно, что въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь въ разсказѣ, прихожане зовутъ священника папашей, а жену его мамашей.

Мы разсмотрѣли наиболѣе крупные типы священниковъ, выведенные въ перечисленныхъ нами въ началѣ этого очерка повѣстяхъ и разсказахъ, и видѣли, что за исключеніемъ немногихъ, типы эти положительнаго характера, симпатичные.

Упомянемъ еще, что въ романѣ г. Потапенко «Живая Жизнь» изображаются разсужденія оканчивающихъ курсъ богослововъ о томъ, какіе приходы лучше и доходнѣе... Но когда читатель вспомнитъ, что въ числѣ этихъ богослововъ находился и Василій Чеботенко, который потомъ, въ дѣйствительности поступивъ на приходъ, сталъ думать не о пріумноженіи доходовъ, а о томъ, какъ помочь народной бѣдности и невѣжеству—онъ не придастъ серіознаго значенія этимъ ребяческимъ разсужденіямъ *).

*) Сдѣлаемъ здѣсь небольшое дополненіе къ первому отдѣленію нашего очерка. Въ повѣсти Евг. Л. Маркова (автора, замѣтимъ, вообще не расположеннаго къ духовенству.—*Русскій Вѣстникъ* 1896 г.) описываются впечатлѣнія интеллигентнаго молодого человѣка, случайно попавшаго на богомолье въ монастырь.

„Я любовался, пишетъ онъ, этими вереницами величественныхъ черныхъ мантій и черныхъ клобуковъ, этихъ сѣдыхъ и черныхъ бородъ, съ золотыми крестами на груди, что неспѣшно двигались впереди и позади меня по зову колокола на привычную имъ молитву.

„Пришлось и побесѣдовать съ нѣкоторыми изъ этихъ почтенныхъ старцевъ, поражавшихъ меня своимъ яснымъ умомъ и мѣткимъ опытомъ жизни. Всѣ они были такіе безконечно-снисходительные, такіе малотребовательные.. Ничего похожаго на наше партійное ожесточеніе и

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію типовъ остальныхъ членовъ причта.

Слѣдующее за священникомъ мѣсто въ церковномъ причтѣ занимаетъ діаконъ. Въ разбираемыхъ нами литературныхъ произведеніяхъ есть нѣсколько типовъ и діаконовъ. Мы разсмотримъ изъ нихъ лишь нѣкоторые, болѣе любопытные.

Въ романѣ «Новоселковское кладбище» выведенъ извѣстный уже немного намъ діаконъ Сила Ѳавматурговъ. Это, несмотря на свой большой ростъ, одинъ изъ тѣхъ младенцевъ, о которыхъ Спаситель сказалъ: если не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное (Матѳ. XVIII, 3). Онъ—пламенный почитатель и поклонникъ покойнаго о. Ѳеофила, старается ему подражать и во многомъ дѣйствительно на него походитъ. Онъ раздаетъ свои доходы бѣднымъ; довѣрчивъ и непрактиченъ до того, что его не обма-

---

нетерпимость къ чужимъ мыслямъ. Они были просто трогательны своимъ дѣтскимъ миролюбіемъ... Особенно симпатиченъ игуменъ этого монастыря, изъ бѣлыхъ священниковъ, безконечно любвеобильный и благожелательный старецъ.

„Какъ бы то ни было, заключаетъ свои монастырскія впечатлѣнія авторъ, общеніе съ этими старцами проливало въ мою душу какой-то цѣлебный елей и еще больше поднимало во мнѣ мое религіозное настроеніе“...

Заслуживаютъ вниманія и разсужденія упомянутаго интеллигента о религіи, навѣянныя на него посѣщеніемъ монастыря.

„Религія, пишетъ онъ, поистинѣ, что-то чудесное, что-то божественное. Миръ и спокойная радость овладѣваютъ душою человѣка послѣ искренней молитвы. Ничто другое не въ силахъ дать человѣку такой могучей нравственной опоры, такого прочнаго подъема духа Уже въ этомъ одномъ ея великая правда и ея насущная необходимость для человѣка. А между тѣмъ какъ мало вникаютъ въ это практическое значеніе религіи мыслители и учители, считающіе себя призванными уяснять тайны души человѣческой и условія счастливой жизни. Въ религіи, если понять ее какъ слѣдуетъ,—разрѣшеніе всѣхъ волнующихъ теперь насъ соціальныхъ и нравственныхъ задачъ современности, притомъ разрѣшеніе поразительной простоты, всеобщности и силы. Человѣкъ религіознаго настроенія—идеальнѣйшій изъ гражданъ. У него братство и равенство съ другими людьми написано въ самомъ сердцѣ, а не только

нываетъ только кто не хочетъ, причемъ Силѣ и въ голову не приходитъ сердиться на обманщика, какъ бы безсовѣстно его ни обманули. Но при всемъ томъ Сила—человѣкъ вовсе не глупый. Онъ и не невѣжда; знаетъ даже по французски. При этомъ онъ человѣкъ очень наблюдательный—все видитъ и обо всемъ судитъ здраво. Наблюденія свои онъ заноситъ въ дневникъ и тутъ же самъ себя осуждаетъ за высказанное о комъ-либо или о чемъ-либо сколько нибудь рѣзкое мнѣніе. Жалостливъ и впечатлителенъ онъ въ высшей степени. Смерть отца Ѳеофила поражаетъ и огорчаетъ его до такой степени, что онъ цѣлые дни внѣ себя отъ великаго горя и жалости. Почитаніе покойнаго онъ переноситъ и на могилу его, за которою ухаживаетъ и украшаетъ цвѣтами. Точно такъ же заботится онъ и о могилѣ своей покойной жены и идеализируетъ ея довольно легкомысленный харак-

---

на знамени или на страницахъ кодекса. Стойкость убѣжденій, смѣлое исповѣдываніе своей вѣры при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ—даютъ такую свободу его духу, съ какою не сравнится никакая другая свобода. Вмѣстѣ съ тѣмъ—въ душѣ религіознаго человѣка—всѣ нравственные законы и весь судъ совѣсти. Его незачѣмъ воздерживать мѣрами устрашенія отъ вреда своему ближнему, когда онъ стремится любить этого ближняго, какъ самого себя, помогая ему въ чемъ можетъ, не завидуя ему, не гордясь предъ нимъ, не обижая его ничѣмъ

„Человѣкъ религіи не лжетъ, не крадетъ, не распутничаетъ, не убиваетъ. Для него не нужны жандармы, палачи и тюрьмы. Человѣкъ религіи—прежде всего человѣкъ безкорыстія, не придающій особеннаго значенія земнымъ богатствамъ, поэтому способный добровольно подѣлиться своимъ достаткомъ съ братомъ своимъ, чѣмъ однимъ умиряются самыя жгучія столкновенія человѣческихъ интересовъ. Всѣ альтруизмы, гуманизмы и другіе модные термины новѣйшей соціологіи давнымъ давно умѣщаются подъ всеобъемлющей сѣтью религіи, и только слѣпцы могутъ увѣрять слѣпцовъ, будто религія есть нѣчто отсталое, давно пережитое людьми и давно имъ ненужное. Нѣтъ, всѣ усилія истинныхъ друзей человѣчества, истинныхъ сторонниковъ прогресса должны быть направлены на то, чтобы развить въ человѣкѣ тлѣющую въ немъ искру религіозности. Это единственный, ничѣмъ другимъ незамѣнимый путь къ установленію на землѣ взаимнаго братства и счастья людей, безъ разрушенія и безъ потоковъ крови“.

теръ. Настоятель Силы о. Петръ, хотя и относится къ Силѣ строго, всетаки любитъ его. «Сила, говоритъ онъ, хотя и часто бываетъ маломысленъ, уваженія достоинъ. Умъ у него есть, но на манеръ какъ бы младенческаго, непрактичный, въ жизни неудобный. А душа у него чистая и свѣтлая, какъ кристаллъ. И человѣкъ онъ на рѣдкость безкорыстный». Въ общемъ Сила нѣсколько напоминаетъ дьякона Ахиллу въ «Соборянахъ» Лѣскова, только безъ размашистой удали и дурачествъ этого послѣдняго.

Въ другомъ родѣ—тоже уже извѣстный намъ о. Гурій Маккавѣевъ («Счастье по неволѣ»). Наружностью своею онъ, весь обросшій волосами, кажется Егору Маккавѣеву похожимъ на льва, стоящаго на заднихъ лапахъ. Съ перваго раза о. Гурій не производитъ хорошаго впечатлѣнія: онъ кажется человѣкомъ сухимъ и эгоистомъ. Но это только на первый взглядъ: на самомъ же дѣлѣ о. Гурій—человѣкъ хорошій и добрый. Онъ принимаетъ самое близкое и живое участіе въ богословѣ Егорѣ Маккавѣевѣ, котораго и видитъ-то всего въ первый разъ, и, несмотря ни на что, несмотря на всѣ хлопоты и даже непріятности, рѣшается устроить его судьбу. Когда у Егора не хватаетъ денегъ на посвященіе и другіе расходы, онъ, безъ всякой просьбы, даетъ ему взаймы свои собственныя деньги; равнымъ образомъ, употребляетъ невѣроятныя усилія, чтобы для него во время былъ готовъ духовный костюмъ и т. п.

Весьма симпатиченъ діаконъ о Антоній, выведенный въ разсказѣ г. Потапенко «Забытый Пономарь». Несмотря на собственное горе, онъ думаетъ не столько о себѣ, сколько о несчастномъ Леонидѣ, которому всячески желаетъ помочь, хоть и тщетно.—Въ разсказѣ «На покоѣ» выведенъ діаконъ Нилъ, простодушный и добродушный человѣкъ, умѣющій, несмотря на бѣдность и семейныя непріятности, сохранять въ себѣ всегда бодрое и веселое расположеніе духа. Когда непріятности его черезчуръ одолѣваютъ, онъ уходитъ работать въ огородъ и за работой забываетъ ихъ.

Типы причетниковъ, выведенные въ разбираемыхъ нами

разсказахъ, почти всѣ положительнаго характера. Дьякъ (дьячекъ) Евтихій («Счастье по неволѣ»), по отзыву крестьянина, жившаго у него въ работникахъ—не человѣкъ, а ангелъ. Такимъ онъ представляется и читателю. Мы уже видѣли, какое живое и дѣятельное и притомъ совершенно безкорыстное участіе принимаетъ онъ въ Егорѣ Маккавѣевѣ. По своей скромности, онъ тѣмъ не менѣе и думать не рѣшается, что Егоръ женится на его дочери, и едва-едва вѣритъ этому, когда видитъ воочію.

Пономарь Леонидъ («Забытый Пономарь» г. Потапенко) заслуживаетъ еще большаго вниманія. Это еще въ большей степени младенецъ Христовъ, нежели дьяконъ Сила. Леонидъ настолько добръ, что никакъ не можетъ повѣрить въ чужую злобу. «Кажется, говоритъ о немъ дьяконъ Антоній, Леонида ежели бы въ аду поджаривали, а онъ все бы говорилъ: хорошо да хорошо. Да онъ и въ адъ не попадетъ, его туда не примутъ. Никакого для него и горя нѣтъ на свѣтѣ: погрустилъ минутку, а тамъ и отошелъ, утѣшился». «Все тебѣ, говоритъ дьяконъ самому Леониду, въ лучшую сторону показывается... Самъ ты ангелъ, и всѣ тебѣ кажутся ангелами... Тебѣ ежели бы каменный дождь съ неба падалъ, а ты бы говорилъ: манна небесная». Когда онъ узнаетъ, что новоназначенный священникъ о. Сергій Антидоровъ хочетъ выгнать его и изъ церковнаго дома и съ клироса и лишить доходовъ, онъ думаетъ, что это лишь недоразумѣніе, что стоитъ лишь ему поговорить съ о. Сергіемъ, и тотъ откажется отъ своихъ злыхъ намѣреній; когда же эта надежда оказывается тщетною, Леонидъ, правда, приходитъ въ отчаяніе, но думаетъ совсѣмъ не о себѣ. Онъ и спать готовъ на церковной паперти. «Оно даже пріятно, говоритъ онъ, на свѣжемъ воздухѣ. И звѣзды надъ тобой, и мѣсяцъ, и тихій вѣтерокъ вѣетъ, и церковныя врата близко—все же, значитъ, къ Богу ближе»... Его приводитъ въ отчаяніе мысль, что онъ, прослужившій всю жизнь церкви, теперь, на старости лѣтъ, выброшенъ изъ церкви, его тревожитъ судьба его малолѣтней Маринки. О себѣ же, о томъ,

что и ему самому вѣдь надобно же гдѣ-нибудь жить и чѣмъ-нибудь питаться—у него даже и мысли нѣтъ. Зато, когда добрый о. Анастасій даетъ ему съ дочерью пріютъ, онъ тотчасъ же оживляется и мгновенно забываетъ свое минуту только минувшее отчаянное положеніе.

— «А всетаки, отецъ дьяконъ, говоритъ онъ этому послѣднему, пропасть человѣку нельзя. Доброта гдѣ-нибудь да откроется... Есть-таки добрые люди на свѣтѣ .. Такъ-то, отецъ дьяконъ! И никогда человѣку среди людей пропасть нельзя»...

Нѣсколько напоминаетъ Леонида пономарь Пафнутьичъ (см. разсказъ того же имени, нами уже разсмотрѣнный). Только Пафнутьичу недостаетъ смиренія Леонида. Правда, предъ о. Тимоѳеемъ, съ которымъ онъ служитъ вмѣстѣ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, онъ почтителенъ до того, что благочинный ставитъ его всему округу въ примѣръ почтительности и миролюбія; но когда на мѣсто о. Тимоѳея поступаетъ извѣстный уже намъ о. Григорій Зубаревъ и между прочими своими беззаконными дѣяніями жесто обижаетъ просвирню Любаню—Пафнутьичъ рѣшается вступиться за послѣднюю.—Трогательна привязанность Пафнутьича къ покойному о. Тимоѳею. На могилѣ покойнаго онъ проводитъ все свободное время; продавъ все свое достояніе, ставитъ ему богатый памятникъ, а на колокольнѣ, въ память его, вѣшаетъ маленькій колоколъ-зазвончикъ. Трогательна и его заботливость о просвирнѣ Любанѣ.

Пафнутьичъ любитъ «діалоги», какъ самъ онъ выражается (т.-е. споры объ отвлеченныхъ предметахъ), въ разговорѣ употребляетъ мудреныя слова и умѣетъ сыпать изреченіями, которыя приписываетъ Сократу, Аристотелю или Гегелю, хотя, конечно ни Сократъ, ни Аристотель, ни Гегель никогда не говорили и не писали ничего подобнаго.

Пафнутьича напоминаетъ дьячекъ Коронатъ («Сушкинъ и Будылкинъ» г. Салова; *Русская Мысль* 1897 г. іюль). Это такой же честный и смирный, но прямой человѣкъ. Но тогда какъ Пафнутьичъ воюетъ съ настоятелемъ, Коронатъ

донимаетъ мѣстнаго кулака кровопійцу Сушкина, несмотря на все его наружное благочестіе—да такъ, что этотъ богатый кулакъ, котораго всѣ боятся, боится Короната.

Немногіе каррикатурные типы причетниковъ (дьячекъ Алексѣй, одержимый необыкновеннымъ аппетитомъ («Тарантелла» г. Бунина; *Новое Слово* 1896 г.), псаломщикъ Виталій Платонычъ, совершенно столичный франтъ, даже немыслимый въ обыкновенномъ губернскомъ городѣ («Новоселковское кладбище») — настолько неправдоподобны, что никакого впечатлѣнія на читателя не производятъ.

Къ церковному причту до нѣкоторой степени относится и просвирня. Поучительный типъ просвирни Любани выведенъ въ разсказѣ «Пафнутьичъ».

Маленькая избушка Любани, снаружи обмазанная бѣлою глиной, внутри вся увѣшана божественными картинками. У божницы за стекломъ горитъ неугасимая лампадка, освѣщая на иконахъ цвѣты изъ воску. Подъ божницей выдвигается ящикъ, откуда можно достать душеспасительныя книжки. Благочестивые старцы и старицы находятъ въ этой кельѣ назиданіе. Любаня хорошо знаетъ житія святыхъ, и рѣчь объ ихъ подвигахъ течетъ у нея быстро и увлекательно, какъ свѣжій родникъ, струившійся позади ея хаты. Порядокъ, чистота и опрятность въ хатѣ—поразительные. Отъ лампадки, отъ просфоръ и отъ разныхъ лѣкарственныхъ травъ, которыя Любаня запасаетъ для всего села, въ Любаниной хатѣ всегда пріятный запахъ, что особенно нравится посѣтителямъ крестьянамъ. Любаня очень богомольна и со всѣми ласкова, особенно же съ дѣтьми. Дѣти со всего села—ея всегдашніе любимцы, посѣтители, собесѣдники и ученики.

Любаня была просвирней уже двадцать лѣтъ и вела свое дѣло, можно сказать, идеально. «Покойный батюшка о. Тимоѳей никогда не имѣлъ препирательствъ или неудовольствій съ Любаней изъ за просфоръ—она всегда аккуратно исполняла свои обязанности. Любаня относилась къ печенію просфоръ положительно съ благоговѣніемъ. Рѣшительно все,

что касается этого дѣла, она совершаетъ съ молитвой, и это въ ея устахъ не праздныя слова, произносимыя по привычкѣ. Она точно священнодѣйствуетъ, когда «затѣваетъ» тѣсто, валяетъ его въ рукахъ, рѣжетъ на части, сажаетъ въ печь, накладываетъ печать и вынимаетъ. Никогда Любаня не осмѣлится въ просфорной квашнѣ замѣсить тѣсто для обыкновеннаго пирога, или рѣзать черный хлѣбъ тѣмъ ножемъ, которымъ она рѣжетъ просфорное тѣсто. Чтобы какая-нибудь «нечисть» изъ насѣкомыхъ не осквернила квашни съ этимъ тѣстомъ, жилье тщательно бережется хозяйкою отъ всякихъ насѣкомыхъ: въ окна вставляются кисейныя рамки, а тараканы тщательно истребляются, такъ что въ хатѣ никогда не бываетъ ни одной мухи, ни одного таракана. А когда Любаня занята просфорами, то ужъ никого къ себѣ не впускаетъ, будь хоть то сама матушка. И никто на это не обижается, даже и сама матушка, которая молча удаляется тогда отъ запертой Любаниной калитки. И лучше просфоръ Любани нигдѣ нѣтъ, хоть весь округъ изойди. Бывало, впрочемъ, староста иногда пошлетъ на базаръ глупаго мужика, не умѣющаго купить хорошей муки, ну, тогда, хоть въ лепешку разбейся, толку не будетъ Тогда Любаня приходила къ о. Тимоѳею въ слезахъ.

— Батюшка!.. грѣхъ какой—просвиры вышли на бокъ..

— Что за бѣда: и на кривыхъ отслужимъ—утѣшалъ се о. Тимоѳей.—Для Бога все равно, только бы вѣра...

И хотя въ этомъ ничего обиднаго не было, однако Любаня долго не забывала неудачи—всю недѣлю чувствовала себя виноватою, пока слѣдующія просфоры не порадуютъ ея сердца и не снимутъ съ нея прежней вины».

Но новый священникъ, о. Григорій Зубаревъ, задумавъ прогнать Любаню, чтобы помѣстить на ея мѣсто свою мать, придрался къ одному такому случаю и не только уволилъ Любаню отъ должности просвирни, но и самыя эти неудачныя просфоры отобралъ у нея и поставилъ у себя въ кабинетѣ. И не столько то было горько Любанѣ, что ее безвинно лишили ея заработка и любимаго дѣла, сколько

то, что просфоры эти были поставлены въ кабинетѣ о. Григорія на вѣчную ей укоризну, и она отнынѣ навсегда лишена была возможности загладить свою неудачу. Не вынесла всего этого бѣдная Любаня—захирѣла и умерла.

Женъ священниковъ въ разбираемыхъ нами повѣстяхъ и разсказахъ выведено не мало, но сколько нибудь крупныхъ типовъ нѣтъ. О нѣкоторыхъ только упомянуто, что онѣ помогаютъ мужьямъ въ ихъ усиліяхъ на пользу народа, напр. жена о. Петра («Встрѣчи»), о. Владиміра («На покоѣ»), о. Василія Чеботенко («Живая Жизнь»).

Изъ дѣтей духовенства наши авторы съ особенною любовью относятся къ дочерямъ. Мы находимъ здѣсь нѣсколько типовъ почти идеальныхъ. Таковы: Люба—внучка о. Елисея Добротворскаго («На покоѣ»), Варя—дочь о. Серафима Лауданова («Живая Жизнь»), Ниса—дочь о. Андрея («По новому пути»), Ольга—дочь о. Максима («Духа не угашайте»). Кора—дочь дьячка Короната («Сушкинъ и Будылкинъ»), Вѣра—дочь дьячка Евтихія («Счастье по неволѣ»).—Изъ молодыхъ богослововъ, между которыми есть и студенты духовныхъ академій, большинство типовъ тоже симпатичны *)

Мы разсмотрѣли наиболѣе крупные типы духовенства, выведенные въ русской свѣтской литературѣ за послѣдніе полтора года. Сдѣлаемъ теперь небольшую историческую справку. Назадъ тому тринадцать лѣтъ нѣкто г. Поповъ задумалъ обозрѣть типы духовенства въ русской свѣтской журналистикѣ за предыдущіе двѣнадцать лѣтъ *) и пришелъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. Онъ нашелъ, что литература отнеслась къ духовенству слишкомъ поверхностно и даже съ глумленіемъ; что большая часть типовъ духовенства карри-

*) Когда этотъ очеркъ былъ уже законченъ, намъ пришлось познакомиться съ только что вышедшимъ романомъ г. Лейкина: „Среди причта“. Не вдаваясь въ подробности, скажемъ только, что отношеніе къ духовенству и здѣсь симпатичное, и здѣсь духовныя лица представлены добрыми и честными людьми.

катурны; что въ то время, какъ та же литература усердно разыскиваетъ «искры Божія» въ душахъ закоренѣлыхъ преступниковъ и злодѣевъ, въ служителяхъ алтаря она находитъ часто—пьянство, невѣжество, вымогательство, скряжничество, недостойный и неряшливый образъ жизни и т. п., а въ молодыхъ священникахъ, напротивъ, излишнюю свѣтскость и развязность; что описывая по бо́льшей части въ комичномъ и каррикатурномъ видѣ различныя подробности и мелочи въ обстановкѣ и костюмѣ священника, она совершенно проглядываетъ и не замѣчаетъ его пастырской дѣятельности. При этомъ авторъ высказалъ надежду, «что, при большемъ изученіи духовнаго сословія, литература будетъ въ состояніи представить и болѣе глубокое и вѣрное воспроизведеніе жизнедѣятельности духовенства». Оправдалась ли эта надежда? Мы можемъ отвѣтить на это: если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, да. Не говоря уже о монашествѣ, которое, какъ мы видѣли, выставляется теперь почти въ идеальномъ свѣтѣ, и въ отношеніи къ бѣлому духовенству въ литературѣ послѣдняго времени уже почти нельзя замѣтить глумленія. Немногіе отрицательные или каррикатурные типы почти совершенно теряются среди типовъ положительныхъ и симпатичныхъ. Въ этомъ, болѣе справедливомъ отношеніи къ служителямъ религіи, нельзя не видѣть одного изъ проявленій наблюдаемаго теперь поворота въ сторону религіи. Правда, пастырская дѣятельность духовенства и въ разбираемыхъ нами литературныхъ произведеніяхъ не очерчена какъ слѣдуетъ, но это, быть можетъ, зависитъ отъ того, что пастырская дѣятельность православнаго русскаго духовенства не такъ замѣтна для посторонняго глаза и не имѣетъ такого кричащаго характера, какъ дѣятельность инославнаго духовенства, которое любитъ вмѣшиваться въ общественныя и политическія дѣла

*) А. Попова. „Типы духовенства въ русской художественной литературѣ за послѣднее двѣнадцатилѣтіе“ (*Православный Собесѣдникъ* 1884 г. т. 2-й, и отдѣльно).

и кричать о себѣ. Наше же православное духовенство болѣе скромно и о себѣ говорить не любитъ и не умѣетъ. Оттого и дѣятельность его не такъ замѣтна. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ засвидѣтельствовать отрадный фактъ, что отношеніе свѣтской литературы къ русскому православному духовенству стало лучше и справедливѣе, нежели двѣнадцать лѣтъ назадъ. Было бы, конечно, очень интересно прослѣдить, какъ и въ какой постепенности подготовлялась эта перемѣна, но это уже должно составить предметъ особаго очерка.

Въ *Душеполезномъ Чтеніи* за минувшій и текущій годы печатаются очерки, изображающіе типы русскаго православнаго духовенства въ свѣтской литературѣ 1896-го и первой половины 1897-го годовъ. Въ предисловіи къ этимъ очеркамъ говорилось, что въ послѣднее время свѣтская литература довольно часто выводитъ типы духовенства и относится къ нему по большей части безпристрастно. — Обозрѣвая свѣтскую литературу второй половины прошлаго (1897-го) и первой половины нынѣшняго года, мы видимъ, что и въ ней встрѣчаются типы русскаго православнаго духовенства, хотя, правда, и въ меньшемъ количествѣ, нежели въ разсмотрѣнный ранѣе періодъ. Не разсматривая типы некрупные или выведенные лишь мимоходомъ, скажемъ здѣсь лишь о болѣе крупныхъ и цѣльныхъ.

1. Отецъ Іосифъ.

Въ первыхъ шести книжкахъ *Русской Мысли* за текущій годъ печатался романъ г. Свѣтлова «Пустынное сердце». Нѣкто Турыгинъ, сынъ скупого и жаднаго милліонера, человѣкъ съ больною душой, не находя нигдѣ покоя отъ самого себя, рѣшается, вмѣстѣ со своею матерью, принять постриженіе. Это даетъ автору поводъ изобразить два провинціальныхъ, находящихся въ одномъ и томъ же городѣ, монастыря—мужской и женскій. Собственно, впрочемъ, самые монастыри авторъ изображаетъ почти мимоходомъ и

останавливаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на одномъ изъ іеромонаховъ мужского монастыря—отцѣ Іосифѣ. Типъ, изображенный въ лицѣ отца Іосифа, тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что г. Свѣтловъ—изъ тѣхъ писателей, которые относятся къ монашеству недоброжелательно.

Настоятель монастыря, гдѣ живетъ отецъ Іосифъ,—престарѣлый и уже больной архимандритъ—необыкновенной доброты. «Ужъ бывали мнѣ, разсказываетъ самъ о. настоятель, нагоняи отъ начальства: черезчуръ, молъ, добръ, распустилъ братію, да и часго, дескать, хвораетъ... А развѣ можно быть черезчуръ *добрымъ*, а? По мнѣ, чѣмъ добрѣе, тѣмъ святѣе... А хвораю частенько, такъ вѣдь что жъ? Сношу терпѣливо, не жалуюсь, никого не безпокою». Любовь переполняетъ все существо его. Удручаемый недугами, онъ давно бы ужъ оставилъ должность и удалился на покой, если бы не нужно было ему помогать многочисленнымъ бѣднымъ родственникамъ и вообще бѣднымъ.

Отецъ Іосифъ одинъ изъ старцевъ этого монастыря. О. настоятель такъ отзывается о немъ. «Изъ разночинцевъ. Добрый человѣкъ и пастырь духовный. Разныя житейскія неудачи и горести привели его въ обитель. А какія — не вѣдаю. Никому не разсказываетъ больной. Бываетъ — раздражается, но это отъ болѣзни Старается сдерживаться. Глаза у него больно ужъ хороши. Тревожные, грустные глаза, какъ бы душу вопрошающіе. Возмущается всякою несправедливостью, болѣетъ горячо о страждущихъ и несчастныхъ. А ужъ утѣшать словами, кажись, не больно умѣетъ. Все больше по книжному. Очень ужъ много перечиталъ онъ книгъ-то. По постнымъ днямъ ничего не ѣстъ, ночи проводитъ безъ сна»...

Отецъ Іосифъ человѣкъ очень умный и начитанный. Въ бесѣдѣ любитъ приводить разсказы и преданія изъ житій святыхъ, отчего бесѣда его принимаетъ иногда дѣйствительно нѣсколько книжный характеръ. Но начавъ убѣждать словами, онъ кончаетъ молитвой. И тогда «лицо его преображалось. Тревожно-грустные, вопрошающіе глаза его раскры-

вались и въ нихъ было столько скорби, столько мольбы, столько умиленія», что посторонніе наблюдатели смущались. «Онъ волновался про себя, мучился, болѣлъ душою».

По совѣту настоятеля, Турыгинъ, вступивъ въ монастырь, избираетъ себѣ отца Іосифа духовнымъ наставникомъ. Вотъ какъ описываетъ авторъ первое посѣщеніе Турыгина отцомъ Іосифомъ:

«За дверьми послышался шорохъ. Чей то слабый, откашливающійся голосъ произнесъ:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

— Аминь! — отвѣтилъ Турыгинъ.

Въ келью вошелъ монахъ, не очень старый, но со слабою, шатающейся походкой, согбенный, блѣдный, со впалою грудью.

Онъ былъ очень худъ, лицо его было болѣзненное, и движенія его были нервны. Можно было бы подумать, что у него чахотка, если бы не его уже почтенныя лѣта. Порой онъ кашлялъ мучительнымъ, задыхающимся кашлемъ.

По тревожно-грустному взору монаха, которымъ онъ какъ бы вопрошалъ, какъ бы заглядывалъ въ душу Турыгина, послѣдній узналъ о. Іосифа.

— О. архимандритъ,— началъ о. Іосифъ,—сказывалъ мнѣ, что ты, сынъ мой, захотѣлъ меня избрать своимъ наставникомъ. Ждалъ я тебя, но ты не пришелъ ко мнѣ, и вотъ я пришелъ къ тебѣ. Еще днемъ видѣлъ я тебя проходящимъ по двору, и выраженіе глазъ твоихъ удивило меня. Вижу, вижу, болитъ душа твоя, зѣло ущемленная жизнью... Ночь-то, ночь-то какая благодатная!—вдругъ прервалъ онъ себя, вдыхая впалою грудью насыщенный ароматомъ сосны воздухъ.—А ароматъ?—Онъ вдругъ сильно, мучительно, долго закашлялся. Когда это у него прошло, онъ, потирая слегка грудь исхудавшими руками, продолжалъ:—какъ спать въ такую ночь? Люди, не любящіе природы—великаго творенія Великаго Творца, могутъ предаваться сну. Я хочу бдѣть И ежели я тебѣ не помѣшаю, возлюбленный, побдимъ вмѣстѣ и побесѣдуемъ.

— Слышалъ я, что ты сынъ богатаго человѣка и могъ бы быть самъ богатъ. Слышалъ я, что ты человѣкъ образованный свѣтски. И вотъ ты, какъ богатый евангельскій юноша, презрѣлъ богатства и блага жизни и суемудрую свѣтскую науку. Чувствую я, что богатство изломало твою жизнь, наука, основанная на безвѣріи, изсушила твое сердце. Искалѣченный и утомленный, ты прибылъ въ нашу врачебницу въ надеждѣ получить исцѣленіе. Исцѣленіе же часто во многомъ зависитъ отъ доброй воли больного...

Онъ опять раскашлялся, на этотъ разъ еще сильнѣе прежняго. Потомъ улыбнулся и, указывая на свою грудь, продолжалъ.

— Но не тогда, когда болѣзнь глубоко проникла въ тѣло человѣческое, и когда человѣкъ отвергаетъ лѣченіе. Желаю надѣяться, что ты, сынъ мой, способенъ вылѣчиться и съ благодарностью примешь врачеваніе. Подумай, врачъ-то у насъ—самъ Спаситель, и лѣкарство Его—милосердіе и прощеніе. Только надо вѣрить. Часто молюсь я въ тиши своей кельи за всѣхъ болящихъ и душевно страждущихъ христіанъ, и за тебя, стало-быть, молился, не зная тебя. Помолюсь и теперь, зная тебя.

Онъ опустился на колѣни предъ иконами, и немедленно лицо его приняло экстатическое выраженіе. Видно было, что глубокая вѣра одушевляла его, что душа его дѣйствительно молилась и страдала. На впалыхъ глазахъ его, горѣвшихъ лихорадочнымъ пламенемъ, блестѣли слезы восторженнаго умиленія.

Монахъ молился долго. Когда онъ всталъ съ колѣнъ, лицо его дышало кротостью и лаской.

— Вкратцѣ разскажу тебѣ мою жизнь, чтобы зналъ ты, съ кѣмъ водишь знакомство. И я жилъ въ міру, и я былъ свѣтскимъ человѣкомъ. Много невзгодъ и печалей перенесъ я и долго, долго ропталъ. Слѣпъ и глухъ былъ я душою тогда, пока не понялъ, что все благо, все счастіе нашей жизни зиждется на любви. Собственное благо—ничто безъ любви. Оно ведетъ къ разочарованію, а разочарованіе—къ

сознанію безцѣльности и безплодности существованія. И когда я понялъ, что любовь—все, и все любовью, я ушелъ изъ міра въ обитель, чтобы не любить кого-нибудь одного, а любить всѣхъ ровной, духовной любовью. Я былъ бѣденъ и безроденъ. О первомъ не сожалѣю, о второмъ же, по слабости моей, и теперь еще часто грущу, вспоминаю покойныхъ родителей, вспоминаю дѣтство. И хотя дѣтство это прошло среди жалкой обстановки нуждающейся семьи, оно мнѣ кажется свѣтлымъ, прекраснымъ, радостнымъ.

Онъ замолкъ, взволновался, и опять слезы умиленія показались на его глазахъ.

— И вотъ, возлюбленный, я умираю. Злой недугъ жестоко терзаетъ меня, разрывая слабую грудь мою на части. А я радуюсь. Радуюсь, что не долго осталось мнѣ тяготить землю и что скоро, очень скоро, предстану на судъ. И я не боюсь. Я вѣрилъ въ Господа и любилъ Его. Вѣрилъ я и въ людей и любилъ ихъ. Грѣшенъ я, какъ и всѣ грѣшны; раздражителенъ бываю, по болѣзни своей, но стараюсь сдержаться. Но не искупилъ ли Господь грѣхи міра и мои грѣхи Своею честною смертію? Что же мнѣ бояться суда Его - суда праваго и суда милостиваго?»...

Часто посѣщаетъ отецъ Іосифъ Турыгина и подолгу бесѣдуетъ съ нимъ и убѣждаетъ его, но не можетъ поселить вѣры и мира въ его озлобленной, ожесточенной душѣ. «Пустынно сердце твое» —говоритъ онъ Турыгину. «Полюбилъ я тебя даже съ перваго дня и молился о тебѣ неустанно. И вотъ Господь не далъ мнѣ по молитвѣ моей».

Умирая, отецъ Іосифъ, позвалъ къ себѣ Турыгина.

— Возлюбленный!— тихо, съ разстановками, говорилъ ему уже не двигавшійся отецъ Іосифъ.—Покидаетъ тебя твой духовный отецъ! Умираю... Не грусти... Не осуди... Не страшно мнѣ... нисколько не страшно. Охъ!.. Смерть— мгновенье, за нею жизнь, жизнь вѣчная...

Онъ благословилъ своего духовнаго сына и остановилъ на немъ свой тревожно-грустный взоръ, какъ будто спрашивалъ его о тайнѣ души его.

И Турыгинъ низко, низко склонилъ голову, и слезы полились изъ его глазъ.

Прости меня, отецъ!—сказалъ онъ сквозь сдерживаемыя рыданія, опускаясь у изголовья умиравшаго монаха.

— Не плачь, возлюбленный! Христосъ... Христосъ... съ тобою.

Неземною радостью засвѣтился взоръ отца Іосифа, тѣло его вздрогнуло и вытянулось, взоръ опустѣлъ.

Отца Іосифа не стало.

И у одра смерти этого монаха Турыгинъ понялъ, что такое смерть. И ему не было страшно. Напротивъ, бодрое чувство разлилось по его тѣлу.

И чей-то грозный голосъ прозвучалъ въ немъ:

«Несчастный! Если бы ты имѣлъ *такую* вѣру, тебѣ не страшно было бы не только умирать, но и жить».

2. Вдовица.

Въ апрѣльской книжкѣ *Историческаго Вѣстника* за 1898 годъ напечатанъ разсказъ г. Потапенко «Лепта вдовицы». Въ этомъ разсказѣ авторъ съ своимъ обычнымъ добродушнымъ юморомъ касается одной важной стороны въ жизни духовенства.

Нерѣдко упрекаютъ священника въ алчности, невниманіи къ своимъ высокимъ обязанностямъ или недостаткѣ миролюбія—и бываетъ такъ, что хотя упреки и справедливы, но самъ священникъ здѣсь нисколько не виноватъ, а виновата бываетъ *жена* священника. Не всегда жены священниковъ сознаютъ, что требуется отъ священника, и не всегда являются достойными помощницами своихъ мужей. Бываетъ иногда, что всѣ благія стремленія и усилія священника разбиваются о сопротивленіе его недостаточно развитой умственно и нравственно супруги. Типъ такой *матушки* и изображенъ въ настоящемъ разсказѣ г. Потапенко *).

*) Подобная же тема была затронута г. Потапенко и раньше — въ разсказѣ „Жены“.

Дьякъ (дьячекъ) Филиппъ Кадиловъ, умирая, оставляетъ послѣ себя безъ всякихъ средствъ къ жизни жену и дочь. По настоянію причта, церковный сторожъ даетъ имъ уголъ въ своей (церковной) квартирѣ, но жить имъ рѣшительно нечѣмъ. Собственно, впрочемъ, средства къ жизни нашлись бы, такъ какъ вдова могла печь просфоры для церкви, по дѣло въ томъ, что совершенно вопреки и обычаю и приличію, дѣломъ этимъ завладѣла матушка, жена священника, хотя приходъ у ея мужа и безъ того очень хорошъ, и рѣшительно не хочетъ уступить его несчастной вдовѣ. Послѣдняя между тѣмъ страшно бѣдствуетъ съ своей дочерью, питаясь исключительно подаяніемъ, которое даютъ ей члены причта. Тогда заступившій мѣсто Кадилова дьякъ Амосъ осторожно, чрезъ посредство церковнаго сторожа, внушаетъ вдовѣ просить у матушки, чтобы та передала ей печеніе просфоръ. Но матушка, несмотря на заступничество за вдову и просьбу своего мужа, отца Меѳодія, выгоняетъ вдову вонъ. Не помогаетъ и вмѣшательство благочиннаго.

— «Да пусть онъ и не выдумываетъ, твой благочинный! — кричитъ матушка мужу.—Никому я не отдамъ просвиръ. Слышалъ? Такъ и скажи ему: не отдамъ, не отдамъ и не отдамъ. Никто себѣ не врагъ, и нѣтъ такого дурака на свѣтѣ, который взялъ бы да вынулъ бы изъ кармана сто рублей и отдалъ бы другому. На, молъ, кушай на здоровье! И я не такая дура. Такъ и скажи своему благочинному».

Побуждаемая голодомъ и совѣтами дьячка и сторожа, вдова, наконецъ, рѣшается жаловаться въ консисторію. Но тутъ въ дѣло неожиданно и рѣшительно вмѣшивается самъ отецъ Меѳодій, и оно сразу принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ.

Отецъ Меѳодій человѣкъ очень добрый, но только нѣсколько слабохарактерный. Его и совѣсть мучаетъ за вдову и сердечно жаль ее, но онъ ничего не можетъ сдѣлать съ своей черезчуръ рѣшительной супругой. И вотъ онъ придумываетъ самому отправится къ преосвященному, который его очень любитъ, и просить его лично вмѣшаться въ это дѣло.

«Швейцаръ и келейникъ преосвященнаго, увидѣвъ отца Меѳодія, просіяли, какъ сіяли всѣ при встрѣчѣ съ отцомъ Меѳодіемъ (такое было у него красивое, веселое и добродушное лицо). Преосвященный былъ дома и, когда ему доложили о приходѣ отца Меѳодія, несмотря на то, что страдалъ въ это время отъ ревматизма, улыбнулся и сказалъ:

— А' отецъ Меѳодій! вотъ хорошо! Проси, проси его.

— Ну, съ чѣмъ пришелъ, отецъ Меѳодій? говори, исповѣдывайся—молвилъ архіерей, который никакъ не могъ разговаривать съ отцомъ Меѳодіемъ серьезно.

— Пришелъ, Ваше Преосвященство, съ безпокойнымъ дѣломъ.

— Неужели съ безпокойнымъ? Да неужто и у тебя бываютъ безпокойства? А лицо у тебя такое, что не повѣрилъ бы. У тебя лицо самаго счастливаго человѣка, отецъ Меѳодій.

— Я и не жалуюсь, Ваше Преосвященство! Я счастливъ. Особливо вашею милостью взысканъ, Ваше Преосвященство. А дѣло мое такое, что я какъ бы самъ на себя жалуюсь и прошу учинить съ меня строгое взысканіе...

— Это любопытно, отецъ Меѳодій. Такое дѣло только съ тобой и можетъ случиться.

— Умеръ въ моемъ приходѣ извѣстный Вашему Преосвященству дьякъ Кадиловъ и оставилъ послѣ себя вдову съ дочерью.

— И ты обидѣлъ вдову? А? Притѣснилъ? Не повѣрю. У тебя такое лицо, что ты никого притѣснить не можешь.

— Ахъ, Ваше Преосвященство!.. Но у меня есть жена... И пекла она много лѣтъ просвиры для церкви и для продажи. А теперь бѣдственной вдовѣ надо бы это дѣло передать, а она не хочетъ.

— Должна передать—сказалъ преосвященный.—Это по обычаю—лепта вдовицы. Обязана передать.

— Я и говорю ей, что должна. А она не слушаетъ. Болѣзненная и оттого норовистая она, Ваше Преосвященство. И вдова эта благочинному жаловалась и въ консисторію ходила.

— Такъ и благочинный и консисторія ничего не могли подѣлать съ твоей женой? А? Ну, значитъ, сила же твоя попадья, отецъ Меѳодій, большая сила! Выходитъ, что и ты претерпѣваешь кое-что въ жизни. А? На всякаго человѣка, даже на самаго счастливаго, имѣется своя кара Вотъ я отъ ревматизма претерпѣваю, а ты отъ жены. А что хуже—не знаю. Такъ чего же ты отъ меня желаешь, отецъ Меѳодій?

— Желаю, чтобы Ваше Преосвященство строго предписали мнѣ передать печеніе просвиръ вдовѣ дьяка Кадилова. Тогда уже нельзя будетъ не исполнить.

— А жена твоя тогда тебя пополамъ перепилитъ.. А? Ну, вотъ что. Я въ воскресенье хотѣлъ отслужить обѣдню въ какой-нибудь приходской церкви—избираю твою. И завтра ты получишь о семъ бумагу. А остальное предоставь моему хитроумію. Постараюсь такое предписаніе сдѣлать, чтобы и вдовицѣ польза была, и жена твоя тебя оставила въ цѣлости. Ну, иди съ миромъ!

На другой день (дѣло происходитъ въ пригородѣ губернскаго города) отцомъ Меѳодіемъ дѣйствительно была получена бумага съ увѣдомленіемъ о желаніи Владыки отслужить въ слѣдующее воскресенье литургію въ его церкви, причемъ присовокуплялось, что его Преосвященству благоугодно совершить службу непремѣнно на просфорахъ отъ лепты вдовицы умершаго дьячка Филиппа Кадилова.

«Въ воскресенье въ пригородней церкви была архіерейская служба. Преосвященный служилъ торжественно, совершая литургію на просфорахъ, испеченныхъ вдовою дьячка Кадилова. Лицо отца Меѳодія было такое веселое, какимъ никогда еще не бывало. Вдова стояла позади клироса въ своей торжественной шали и усердно молилась. Только матушка, несмотря на столь торжественную службу, совсѣмъ не явилась въ церковь».

3. Бабушка.

Досели мы говорили лишь о типахъ духовенства. Но бываютъ (и бывали, особенно въ прежнее время) міряне, такъ

глубоко преданные храму Божію и такъ близко поставляющіе себя къ нему, что они въ нѣкоторомъ родѣ составляютъ какъ бы одно съ церковнымъ причтомъ. Мы хотѣли бы познакомить здѣсь читателей съ типомъ женщины-христіанки, выведенной, въ видѣ бабки главнаго дѣйствующаго лица, въ романѣ г. Стахѣева «Духа не угашайте».

Въ русскихъ старинныхъ, патріархальныхъ, въ особенности купеческихъ, семьяхъ встрѣчаются, въ роли главныхъ лицъ семьи, женщины съ властнымъ и твердымъ и даже суровымъ характеромъ, талантливо изображенныя въ литературѣ. Но женщина, о которой мы будемъ здѣсь говорить, хотя и находится именно въ такомъ положеніи (она бабка хозяина дома, московскаго купца) тѣмъ не менѣе представляетъ собою воплощенное смиреніе и кротость. Это именно одна изъ тѣхъ русскихъ матерей, о которыхъ сказалъ поэтъ:

День-деньской моя печальница,
Въ ночь—ночная богомолица...

Бабушка—дряхлая, сгорбившаяся старушка, проводящая цѣлые дни въ уединеніи и молитвѣ. «Прежде, когда бабушка была въ силахъ, у нея было постоянное занятіе—заготовленіе рубашекъ для бѣдныхъ. Для этого она сама покупала на рынкѣ ленъ, сама пряла пряжу и ткала холсты, потомъ шила изъ нихъ рубашки и раздавала бѣднымъ. Точно также прежде она сама готовила по субботамъ обѣдъ для нищихъ, усаживала ихъ въ кухнѣ за большой столъ и сама имъ лично прислуживала, осуществляя на дѣлѣ и въ буквальномъ смыслѣ единое между людьми братство о Христѣ, въ которомъ цари и князи, богатые и нищіе—въ равномъ достоинствѣ.

Какъ прежде, при жизни мужа, торговавшаго въ маленькой лавочкѣ игольнымъ товаромъ, она одѣвалась въ простыя одежды изъ крашенаго въ кубовую синюю краску холста, извѣстнаго подъ именемъ крашенины—въ наши дни уже рѣдко и въ деревняхъ встрѣчающагося—такъ и теперь она одѣвалась, и также просто, попрежнему, относилась ко

всѣмъ окружающимъ, несмотря на то, что внукъ ея разбогатѣлъ и готовъ былъ, по первому ея слову, подарить ей какихъ угодно одеждъ изъ шелка и бархата.

Въ описываемое время она уже не могла заготовлять рубашекъ для бѣдныхъ, потому что силы ея ослабѣли, не могла и нищую братію угощать собственноручно, и не только потому, что силы ея ослабѣли, но главнымъ образомъ по той причинѣ, что нищихъ въ Москвѣ къ этому времени развелось такое множество, что лишь заикнись она объ общей для нихъ трапезѣ, то ихъ не только въ кухнѣ, но и въ огромномъ купеческомъ дворѣ не помѣстишь.

Теперь бабушка знала только одно дѣло—молиться Богу. Она ежедневно посѣщала всѣ церковныя службы. Еще до благовѣста къ заутрени бабушка просыпалась, становилась предъ образами на колѣни и шептала молитвы, склонивъ, по обычаю, голову къ полу.

Выходя изъ комнаты и входя въ нее, бабушка, каждый разъ непремѣнно крестилась и при томъ такъ, какъ теперь крестятся немногіе. Бабушка небреженія въ этомъ отношеніи не только сама не дѣлала, но и другимъ внушительно замѣчала, что творить крестное знаменіе слѣдуетъ не спѣша, съ чувствомъ и сознаніемъ его великаго значенія.—Если въ приходской церкви нѣтъ въ этотъ день службы, она идетъ въ другую.

И въ церкви бабушка, такъ же, какъ у себя въ комнатѣ, молилась на колѣняхъ, склонивъ голову къ полу. Войдетъ, бывало, въ церковь всегда раньше другихъ, проберется, постукивая палочкой, къ своему обычному мѣсту около свѣчнаго сундука, находившагося въ сосѣдствѣ съ мѣстомъ старосты, палочку бережно положитъ на полъ около себя и опустится на колѣни.

Пока продолжается служба, она остается на колѣняхъ и лишь въ тѣхъ случаяхъ поднимается на ноги, когда, во время утрени или всенощной, священникъ, обходя всю церковь, совершаетъ кажденіе предъ образами и кадитъ на богомольцевъ. Отвѣтивъ на его кажденіе низкимъ поклономъ,

бабушка опять опускается на колѣни и молится, прося у Господа «христіанской кончины живота и мира всему міру», и поплачетъ, и подремлетъ, и опять начнетъ шептать молитвы.

Оканчивается заутреня и ранняя обѣдня, начинается исполненіе требъ частныхъ лицъ, служеніе молебновъ, паннихидъ и потомъ—поздняя обѣдня, послѣ нея иногда опять молебны, паннихиды, крестины и т. п.—бабушка во все продолженіе ихъ остается въ церкви и возвращается домой, когда уже не ожидается болѣе никакихъ службъ до вечерни.

Одѣта она во что-то темненькое длиннополое, домашняго шитья, плотно закрытое у шеи; на головѣ—черный платокъ, въ рукахъ четки, съ которыми она никогда не разстается, и палочка; идетъ не спѣша, медленнымъ и робкимъ шагомъ, видимо побаиваясь, не натолкнуться бы какъ грѣхомъ на кого-нибудь; на поклоны встрѣчающихся отчѣчаетъ съ торопливой поспѣшностью и съ нѣкоторою даже какъ будто испуганностью: что это молъ, Царица Небесная, такое со мной: мнѣ кто то кланяется, а я, грѣшница, и не замѣчаю.

Возвратясь изъ церкви, бабушка бережно развертывала темненькій фуляровый платочекъ, въ которомъ у ней была просфора, ежедневно приносимая изъ церкви, набожно крестилась, цѣлуя ее, и потомъ осторожно разломивъ, ѣла, собирая со стола крошки съ такою озабоченною тщательностью, какъ драгоцѣнное сокровище.

— Не вижу хорошо-то, не вижу!—тихо разговаривала она сама съ собой—не осталось ли на столѣ крошечекъ... Никакъ не убережешься... О, Господи, прости мои согрѣшенія!..

Въ комнаткѣ у ней была обстановка не только простая, но почти бѣдная: на кровати, вмѣсто матраца, войлокъ, сложенный въ два ряда, сверхъ него ватное одѣяло изъ разныхъ остатковъ ситца, вырѣзанныхъ въ равномѣрные кусочки и ею собственноручно когда-то сшитыхъ; въ углу образа съ неугасимой лампадой, между ними образъ Митрофанія Воронежскаго, изображеннаго съ развернутымъ свиткомъ въ рукахъ, на которомъ было написано: «Употреби трудъ, храни умѣренность—богатъ будеши. Воздержно пій,

мало яждь—здравъ будеши. Твори благо, бѣгай злаго—спасенъ будеши».

Эти краткія правила, заключавшія въ себѣ большое содержаніе, были всегда строго соблюдаемы бабушкой. Прежде, когда зрѣніе ея было лучше. она, случалось, по долгу ставала предъ этимъ образомъ, смотря на развернутый свитокъ святителя, перечитывая его и вдумываясь въ смыслѣ написаннаго на свиткѣ.

— Хорошо, больно хорошо сказано—размышляла она—и кратко и внушительно. Истинно указуетъ путь и для земной жизни и для небесной. О богатствѣ только вотъ... сказано что-то... будто и лишнее. Зачѣмъ оно? А, можетъ, я, грѣшница, не понимаю. О, Господи, помилуй!..

Другимъ обычнымъ занятіемъ бабушки было слушаніе Четьихъ-Миней. Книги Минеи-Четьи большаго формата и крупной печати всегда лежали на окнѣ въ комнатѣ бабушки, занимая собою весь подоконникъ. На ночь она всегда читаетъ акаѳисты.

Въ простѣнкѣ между окнами стоялъ сундучекъ, окрашенный охрой; въ немъ хранилось имущество бабушки, предназначенное ею для смертныхъ одеждъ: холщевая рубашка собственноручнаго тканья и шитья, новые не надѣванные еще башмаки стариннаго покроя, такъ называемые въ простонародьи, коты; поясокъ съ вышитой на немъ молитвой, принесенный ею отъ мощей Варвары Великомученицы изъ Кіева, куда она ходила пѣшкомъ на богомолье, ища утѣшенія въ скорби, долго томившей ее послѣ смерти мужа.

Въ домѣ ея какъ бы не было, такъ она была тиха во всѣхъ своихъ движеніяхъ и разговорахъ. Добредетъ тихонько до столовой, помолится на образа и сядетъ, молча, къ столу, молча выпьетъ свой чай и не спѣша уйдетъ къ себѣ въ комнатку, гдѣ и останется до вечеренъ, либо четки перебираетъ въ рукахъ, читая про себя молитву, либо стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ въ обычной своей позѣ со склоненной къ полу головой и тоже молитву шепчетъ. Бабушка никогда не обѣдаетъ, а если ей и приходится сидѣть за обѣденнымъ столомъ, она мысленно молится.

Со всѣми бабушка кротка и привѣтлива. Сплетенъ и осужденія не выноситъ совсѣмъ; въ домашнія дѣла не мѣшается никогда.

— Прости ты меня, грѣшницу, не осуждай никого. Не наше дѣло. Сказано, добрый: неосужденіе—безъ труда спасеніе. Молись да молись—вотъ и вся заповѣдь.

При ссорахъ внука съ женой она старается, какъ можетъ, мирить ихъ. Внука почитаетъ и слушается безусловно, такъ какъ онъ хозяинъ и глава въ домѣ, и только въ одномъ считаетъ себя въ правѣ всегда давать ему наставленія,—чтобы онъ поддерживалъ благочестіе въ домѣ и въ благочестіи воспитывалъ сына, ея правнука. И несмотря на то, что она уже отрѣшилась отъ всего земнаго, бабушка тѣмъ не менѣе нѣжно любитъ правнука. И вотъ приходитъ время, когда ей, ради любви къ нему, приходится, вопреки своему обычаю, вмѣшаться въ домашнія дѣла.

Увлекшійся честолюбивыми мечтами, отецъ задумываетъ женить его на дочери знаменитаго, богатѣйшаго фабриканта. Но сынъ любитъ небогатую образованную дѣвушку, на которой и хочетъ жениться. Ни тотъ ни другой не хотятъ уступить, и отношенія между отцомъ и сыномъ обостряются до послѣдней степени. Ничьи увѣщанія не дѣйствуютъ на отца. Тогда къ нему приходитъ бабушка. Кротко убѣждаетъ она его не неволить сына, а когда тотъ не трогается ея просьбами, она падаетъ предъ нимъ на колѣни. Это трогаетъ его.

— Прости родная!—говоритъ онъ. Печальница ты наша, богомольница! Велико твое смиреніе, и нѣтъ ему мѣры.

Послѣ этого онъ мирится съ сыномъ и позволяетъ ему жениться на избранной имъ невѣстѣ.

Много ли такихъ праведницъ на свѣтѣ? Но хотя бы и немного—ими міръ стоитъ.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Октября 6 дня 1893 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

Академии Наук СССР